

АНАТОЛИЙ КРИКУН

Жизнь прожить — не поле перейти

КНИГА 3. СЕМЬЯ

Анатолий Крикун

**Жизнь прожить – не поле
перейти. Книга 3. Семья**

«Издательские решения»

Крикун А.

Жизнь прожить – не поле перейти. Книга 3. Семья / А. Крикун —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-518698-0

Роман-эпопея, семейная сага, основанная на истории моих предков. Главный герой романа — георгиевский кавалер, участник Мировой войны, Революции и Гражданской войны. Удивительная история его биографии проходит на фоне важных событий истории России с участием главных действующих лиц и простолюдинов. Роман — попытка осмысления исторического пути России в первой половине 20-го века.

ISBN 978-5-00-518698-0

© Крикун А.
© Издательские решения

Содержание

КНИГА ТРЕТЬЯ СЕМЬЯ	6
ГЛАВА ПЕРВАЯ	7
ГЛАВА ВТОРАЯ	23
*****	33
Конец ознакомительного фрагмента.	39

Жизнь прожить – не поле перейти

Книга 3. Семья

Анатолий Крикун

© Анатолий Крикун, 2020

ISBN 978-5-0051-8698-0 (т. 3)

ISBN 978-5-0051-8695-9

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

КНИГА ТРЕТЬЯ СЕМЬЯ

Не ласки жду я,
Не любовной лести
В предчувствии
Неотвратимой тьмы,
Но приходи взглянуть
На рай, где вместе
Невинны и блаженны
были мы.

Ахматова А.

Дорогая, сядем рядом,
Поглядим в глаза друг другу.
Я хочу под кротким взглядом
Слушать чувственную вьюгу.

Есенин С.

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Свадьба гудела на два села два долгих тёплых летних дня. Весенний сев остался позади, до осенних хлопот было

далеко, пора сенокоса не пришла и мужик получил

передышку. Война откатилась на восток за Урал, где битые красными полки Колчака ждали суровые сибирские мужики, сбившиеся в партизанские отряды для защиты своих хозяйств от экспроприаций и грабежей оголодавшей и ослабевшей Сибирской армии. Мас-совое дезертирство рядовых мобилизованных солдат доконало эту армию, которую катил по железной дороге и вёл по бескрайней тайге адмирал и покоритель северных широт, влезший в большую политику «Верховный правитель России», так и не осознавший, как другой лидер белого движения- генерал Деникин, в чём сила большевиков. Ошибка эта стоила бесславного конца его армии и его личной трагедии.

Невзгоды войны и страхи, на эти дни, выветрились из сознания людей, отвыкших от простых житейских

праздников. Широкие столы, стоявшие во дворе, были

накрыты, не хуже, чем в подзабытые довоенные времена в

не бедном и разросшемся селе. Дружкой со стороны

Степана на свадьбе был Пётр, с которым вновь сошёлся Степан, забыв все недомолвки и временные расхождения. Прижимистые крестьяне, как-то, исхитрились уберечь

часть своих трудов и явили щедро их плоды в общий котёл по такому долгожданному случаю. Мать упросила Степана одеть все награды, отстирала и отгладила его привычную военную одежду; другой у него не оказалось. Зато

подружки, уже воспитывающие детей – подростков,

обрядили Марию так, что и городским барышням стало бы завидно. И откуда это всё взялось! Когда её вывели в наряде невесты, под фатой, в белоснежном платье, с высокой

причёской и передали в руки принаряженного и развесёлого Данилы, тот присел от удивления. Степан увидев Марию в наряде невесты, ошалел от неожиданности. В таком виде он никогда не представлял её. «Краше, чем дамы на

полковом балу» – всплыло в сознании Степана. Бесконечно долгие десять лет- от первого взгляда, брошенного на

берегу зелёноглазой речки Дёмы на русалку, до дня, когда она предстала перед ним в подвенечном платье, остались позади. Позади остались и многие страсти и переживания. Для новобрачных открыли в Боголюбовке и церковь в будний день и отыскиали священника. Степан предстал при полном параде с царскими наградами и серебряными

часами что тоже красовались на груди. Молодость ушла, казалось бы безвозвратно, но заглянув в глаза друг друга, оба увидели тот огонёк рождественского костра, что разжёт в их сердцах пожар, запыхавший вновь от не затухавшего костра любви у которого грелись души в самые холодные дни жизни. Ни долгая разлука, ни страшная война не смог-

ли потушить его.

Два дня заливались гармошки, дрожала от топота ног земля, от песен качались ветви сирени. Мутный самогон развязывал языки и веселил тех, кто был охоч выпить

горячительного. Данила с Фёдором сидели в обнимку и трезвыми глазами смотрели на веселье, вспоминали о своей молодости. Данила испустил слезу, когда вспоминал, как Алёна желала и ждала этой свадьбы. Меланья отирала платочком глаза, любуясь парой новобрачных, чинно

восседавшей на почётном месте и исправно исполнявшие настойчивую команду- «Горько! «В их сердца вливалась радость и сладостное ожидание того мига, когда закончатся

обязательные на этот случай церемонии и, наконец, новобрачные останутся наедине со своими бурлившими чувствами. Мужики лезли к Степану целоваться и пытались заводить разговоры о царе, большевиках и ещё о чём —то, что пролетало мимо его ушей. Степан целовался, но в разговоры не вступал, ловко избавляясь от собеседников. Склонившись к Марии, на ухо сказал в свадебном веселье:

– Сколько жизнью отмеряно- всё наше и радость и горе. Нам любви нерастраченной на сто лет хватит! Рожай мне детишек сколько бог пошлёт! Всех на ноги поднимем!

Мария с гордостью отмечала, что муж пользуется уважением у возрастных мужиков. Большинство

одногодков Степана – кого не унесла война и не разбросала жизнь, уже имели семьи и воспитывали детей. Ребятишки сновали по обширному двору и полисаднику прибранному и разукрашенным зеленью и цветами. Осмелевшие дети,

подсаживались к родителям, повеселевшим и добродушным. Меланья угощала их сладостями и

вкусностями со стола. Один повеселевший папаша налил своему мальчику сладенькой кислушечки, что была для женщин, и дал глотнуть своему дитяте. Тот попробовал и поперхнулся, а папаша получил от Меланьи подзатыльник. Беседы за столом два дня заканчивались далеко за полночь. В излишних возлияниях и дебошах никто не отличился. Гости знали, что и Данила и Фёдор с Меланьей этого не терпели и, уважая их, знали меру. Мария сидела прижав голову к груди Степана и слушала как отсчитывают ход серебряные часы деда Евсея, что принесли ей суженого и счастье. С ними Степан не разлучался и хранил у своего сердца. Слышала Мария и как бьётся сердце Степана. На душе было светло и казалось, что это счастье будет длиться вечно. Мария не замечала вокруг никого и ничего и была глуха. Она погрузилась в иной мир, где всё её сознание и её плоть поглотил Степан, терпеливо переносивший шум и суету этого самого счастливого дня. Прижавшаяся к нему жена стала и его сознанием и плотью без которых он уже не мыслил своего дальнейшего существования. Голова

кружилась от сознания близости любимой. До его сознания дошло, что все обещания и клятвы и присяги царям и властям не стоят верности своей земле, где лил пот и кровь, своим родным людям, что взростили его, своей

единственной верной и любимой женщине и своим

будущим детям, которые должны стать его продолжением. Эту простую житейскую мудрость он в полной мере

осознал только сейчас. И множество гостей явившихся на свадьбу, по приглашению и без него, и, на время забывших о бедах и горестях, веселившихся от души и вспоминавших за столом свои счастливые, памятные, радостные и смешные случаи из своей суматошной жизни, укрепляли Степана в его мыслях. « А много ли человеку надо? От жизни можно взять всё чем она богата, но если тебе не с кем поделиться своим богатством души и нет людей которые тебя искренне любят и нуждаются в тебе, то и жизнь не окрашивается тем, что называется счастьем, – пусть, даже сиеминутным. Василий с Петром

хозяйничали на свадьбе и своими гармошками гнали развесёлых мужиков и девиц на пляски. Пётр, теребя гармонь, отплясывал так, что

болели ноги и прогибалась земля, но в глазах радости не было. Ночью, когда деревня спала, его гармонь выдавала страдания, а по щекам текли слёзы, что не встретил такую как Мария. И хотя отбою от невест не было, глаз не

останавливался ни на одной из них. В роще пели соловьи. Степан и Мария засыпали на заре, проваливаясь в

беспамятстве, и крепко обнявшись, в утреннюю прохладу, словно входя после жаркого солнца в свежесть реки.

Данила, давно приготовившийся к тому, что останется один в своём большом доме, на свадьбе дочери сошёлся с симпатичной вдовой-переселенкой на которую ещё раньше положил глаз. Война забросила её из Белоруссии на Урал. Муж сгинул на войне, немцы сожгли деревню, брошенную людьми. Судьба-злодейка забросила одинокую женщину, оторвав её от родной земли и близких людей, и бросила в бурлящий поток, как щенка в реку в весеннее половодье. И сколько было таких в лихое время когда рушился привычный мир! И благом было, когда такие щенки находили опору и пристанище. Батрачка, годная и жадная до всякой работы, и сама отличила рассудительного и непритязательного Данилу. Мария, в первый же день свадьбы, куда отец пригласил свою симпатию для помощи, отметила перемены произошедшие с отцом и, когда тот,

смущаясь от расцветшей неожиданной любви, попросил у дочери совета, она только обняла отца и кивнула головой одоблив выбор и радуясь произошедшему. Глядя на отца, она почувствовала сердцем, что отец нашёл ту половинку, что успокоит его душу. Да и с первого взгляда, внимательно брошенного на избранницу отца, она, ждавшая долго своего суженого, определила женским чутьём, что эта связь нужна обоим. Два одиночества искали и нашли то, что залечит душевные раны и даст новый смысл жизни.

Оставшиеся дни, быстро пролетевшего отпуска, Степан провёл ни на час не расставаясь с женой. День он, вместе Василием и отцом, проверял хозяйство и инвентарь. Отбил две косы и сообщил, что с Марией отправляется на покосы. Корова, лошадь и мелкий скот ещё были в хозяйстве. Руки и душа истосковались по знакомой с детства работе к которой не прикасался добрый десяток лет. Когда только начинало светать Степан с Марией, по холодку, взяв косы, брусок и две корзинки с едой и питьём, отправлялись на покос к реке. Утренняя заря сменялась восходящим из за леса диском солнца, начинавшего согревать землю. Трава вдоль дороги, вобравшая за ночь соки земли и утреннюю росу, сверкала на солнце как малахит. На луговине и опушке леска разнотравье вытянулось по пояс и мешалось с полевыми цветами. Густой запах мёда щекотал ноздри. Привычное с детства место, в тени деревьев и кустарника, где разводился костёр, ставился шалаш и отдыхали, почти не изменилось. Всю дорогу новобрачные вспоминали события свадьбы где заприметили массу разных событий и никак не могли наговориться. Степан на плече нёс две косы, сверкавшие на солнце как отточенные клинки несущие смерть живым цветам и траве. Степан уже опробовал косы, срубив бурьян на конце о города и за баней. Мария в левой руке несла корзинку. За плечами Степана висел армейский вещмешок -постоянный спутник солдата. Свободные руки сцепились

в объятие не желая хоть на миг расстаться. Два взрослых человека, как шаловливые дети, смеясь и пускаясь

вприпрыжку, радовались и солнышку, и мягкой траве, и своему счастью. Жизнь представлялась безоблачной, как синее небо над головой и вечный фонарь, что и ночью отражённым светом луны будет освещать дальнейшую жизнь как, слепящее глаза, дневное солнце в зените. Отдохнув под берёзой, ветви которой опускались до земли, прислонив спины к прохладному белому стволу и, впитав через дерево внутренние силы земли, Степан с Марией принялись за дело. Данила, за именем двух своих дочек приучил их и к мужским

хозяйским делам и Мария управлялась и с вилами и с косой. Степан подшутил:

– Ты мне, милашка, пятки не отстриги, а то я давно косу в руки не брал.

– А ты, милой, поспешай и на меня не оглядывайся, небось не забыл на войне, как с ружьём бегать. Если голова кругом пойдёт, так я угляжу. Не гонись, оставь силушку на ночь!

Оба расхохотались. Пели птицы, свистели косы, ровным рядом ложилась скошенная под корень трава,

испускавшая на солнце сладковатый запах. Степан затянул походные песни под свой шаг. Мария одно время не

отставала от мужа и подгоняла его частушками. Мерно

колыхались плечи, пот пропитал белые рубахи тёмным пятном на спине. Пройдясь вдоль опушки, где росла самая высокая трава, местами в рост Марии, и, отметив что жена запыхалась, Степан скомандовал:

– Отдых!, – подхватил её на руки и отнёс в тень берёзы.

– Ты уж не томишься за мной гнаться. Видишь сил у меня хватит. Твоё главное дело теперь – детей рожать, ты уж не девчёнка. Мне от тебя и сынов и девок надо. Истосковался я по работе.

Степан принёс начавшую подсыхать траву, пьянящую пряным запахом, расстелил под берёзой и уложил Марию. Осторожно гладил разгорячённое тело. Мария, закрыв

глаза, с улыбкой на алых губах дождалась нежного

прикосновения губ. Лицо окрасилось в пунцовый цвет. Ей вспомнилось, как на свадьбе она ощущала это

прикосновение под хохот и пожелания с присказками

подвыпивших гостей, и стариков и молодых, сыпавших

советами, и тогда это казалось ей неприличным и лицо оставалось бледным. Её чувства были скованы на людях, как бочка железным обручем. Сейчас же она раскрыла все свои чувства и так прижалась к любимому, что у того на спине расплзлась рубашка залежавшаяся на дне сундука.

Когда солнце достигло зенита и стало жечь нестерпимо, положив косы в тень, сходили к реке, поплескались и

остудили тело. Набираясь сил, самую жару перетерпели

под берёзой после обеда. Степан растянулся на траве, сон сморил его. Радужные круги мельтешили в глазах, а потом темнота погрузила в сон, где пели райские птицы и в поле ходила, в длинной рубахе, с ромашковым венком на голове, его Мария. На устах, храпящего во сне, блуждала улыбка, а у его груди сидела Мария и отгоняла назойливых слепней. Когда она бросала взгляд на плечо мужа и видела синий шрам от куска металла, у неё по телу пробегал холодок.

После обеда прикатили на телеге отец с матерью и Василий с пышногрудой девицей, которая так отплясывала на свадьбе, что удивила всех. У неё на хуторе скрывался от мобилизаций Василий. Там прижился и сошёлся. Запылал костёр где Наталья (так звали подругу Василия) затеяла чай с супом. Отец, по-хозяйски, осмотрел покос и остался доволен увиденным – травы были высокие, в соку и не полегли от ветров. Василий натаскал из рощицы сухостоя. Каждому нашлось дело. Степан отбил ещё две косы. Фёдор подошёл к Марии:

– Как, дочка, не утомилась? Эвон сколько навалили!

– Привычная я, да и день сегодня первый как за косу взялись.

Тут и Василий слово вставил: -Ты шибко не налегай и для муженька поберегись.

– А ты, родственничек, свою кралою побереги. И откуда ты такую выкрал? Никак как в бегах был, так в лесу и встретил. Что – то раньше я её не замечала. У неё то сил в избытке. На свадьбе так отплясывала, что тебя шатало. Смотри, как бы тебя не свалила.

– Вот так отбрила, – засмеялся Фёдор и Меланья растянула на лице улыбку.

– Скоро ли на твоей свадьбе гулять придётся, братишка? -подключился к разговору Степан.

– Вот если от армии сбегу и война кончится, то и у меня попляшите, -отшутился Василий.

После обеда, Фёдор, принявший командование на себя, распределил всех по работам.

– Часа через два, как солнышко остывать начнёт, так и пластать начнём. Ты, Степан, забойщиком. Васька жиру в лесу нагулял и за тобой поспевать будет, а я в погонялах за вами. Девицам в перемену часа два за мной идти, а потом к граблям пристрою, а мужики пусть

поглядывают чья краля покраше, да по работащей. Свою молодуху поберегу- у костра посажу, пусть косточки погрееет, чтоб меня ночью согреть.

Меланья шутку не восприняла и ответила:

– Смотри старый охальник, как бы граблями не зашибла.

– Вот и хорошо, будешь нас граблями подгонять. Завтра дочки – командирши со своими мужиками и детишками обещались подсобить. Зря что ли на свадьбе артачились. Так что, дня в четыре, траву с ленцой свалить успеем такой артелью. А если так, как Степан с Марией завелись, то и за три дня управиться сможем; лишь бы дождь не зарядил- сухую то траву убрать полегче будет. Отдыхайте пока. А к тебе, Степан, разговор есть. Пойдём на бережок, может

раков наловим. Они, говорят, ещё не перевелись. Возьми в телеге сетку и крошеное мясо.

У берега спустили сетку в воду и присели на траве. Степан примостился рядом в ожидании разговора и

терпеливо ждал когда отец его начнёт.

– Как дальше жизнь свою строить думаешь? Может что-то подсказать смогу? Девки- те отрезанный ломоть. Они за мужьями определились и детишками обзавелись. Василий женихается, видно, скоро ещё одну свадьбу играть -тебе, уж, под тридцать лет. Род наш крестьянский и земли сейчас на всех хватает -только трудись. Да и в тебе, я знаю, мужицкая закваска. Долго ещё лямку солдатскую тянуть будешь?

– Это, отец, пока не мне решать. Пока война идёт, я как Васька, по лесам бегать не собираюсь. Сам знаешь, что за это может быть. Явится любая возможность – я на землю вернусь. Ремесло военное тяжёлое и всякой власти необходимое. Только мне оно на душу не легло, хоть и обучен и кормит оно. Крови хлебнул и сердце ожесточил, а сейчас к жене, к земле и детишкам прилипнуть хочу. За меня, отец, не беспокойся. Всё что надо мужику -ты, мне с матерью дал. Спасибо вам за это. Ваську жени и хозяйство ему доверь, а я свою жизнь построю. Не знаю как она

повернётся, но сделаю всё, чтоб ни вы, ни Мария нужды не знали. В город меня не тянет. А дом срубить и хозяйство завести сил хватит, да и Мария не белоручка. Она у Данилы и Алёны всем работам обучена сызмальства. Война, видно, к концу скоро придёт. Не одолеть белым простого люда. Мужик к большевикам шатнулся, как распознал за что белые воюют – за единую и неделимую Россию с поляками,

финнами и азиатами. Мне одной России вдосталь, а если кто с нами мирно жить захочет, то я не против. Мирная

революция мне не к надобности – пусть, кто хочет, тот и творит её – хоть японец, хоть француз. Работа мужицкая вечная и самая нужная. Должно вскорости полегчать!

Сколько ж это можно терпеть! Я и царю и власти кровь свою лил, а теперь и за себя постоять хочется. Жизнь она мозги на место должна ставить.

– Хорошо, коли так думаешь, сынок. Вот и мать успокоится, что к дому тебя тянет. Сходи, ка, посмотри, может раки напоззли.

С десяток раков в сетке обосновались и шевелили длинными усами.

– Вот, не зря и посидели, передохнём и к ночи ещё травы навалим.

Когда вернулись, Василий уже сооружал из жердей, ветвей и сена обширный шалаш. В четыре косы работа

заспорилась. Мария с Натальей шли за Фёдором и менялись на ходу. Через полчаса они подотстали на длинных покосах и слышался только их смех, видно, быстро сдружились и нашли о чём говорить. Фёдор махнул на них рукой и отправил к граблям. Там они из трав повыбирали зверобоя и душицы, чтобы заварить чай и переворачивали с Меланьей подсохшую

траву. Мужики, молча, сосредоточенно и медленно, как лодки против течения, плыли по зелёной глади луга. Степан вёл этот караван с остановками. Утирали рукавом пот со лба, звенели брусом по лезвию косы и вечером, по холодку коса, со свистом валила траву на тёплую землю. Надоедливые слепни в жару липли на мокрые спины и испытывали терпение и волю мужиков. Из под фуражек по лицу бежал пот. Обожжённые солнцем шея и плечи ныли от боли. Ничего не поделаешь – страда! Роздых будет зимой. Меланья кипятила второе ведро коричневого, крепко заваренного травами чая. До темноты два раза после обеда садились у костра подкрепиться под развесистой берёзой. Трава наполняла воздух запахами лета. Суп, мясо, раки и снедь, что осталась после свадьбы, утрамбовывалась в желудках. «Не полопаешь- не

потопаешь!» – вспомнил Степан солдатскую мудрую

присказку. По полчаса, после трапезы, мужики лежали в теньке, закрыв глаза. Наталья щекотала травинкой

храпящего Василия. Мария сидела молча у изголовья

Степана, накрыв его лицо платком, и понимала, что был разговор с отцом касавшийся устройства дальнейшей

жизни. Степан ей уже намекнул, что, возможно, придётся переехать в город и это тревожило её. Оторваться от

привычной жизни было нелегко, хотя сестра расписывала преимущества городской жизни, где не нужно было вставать спозаранок и до вечера заниматься хозяйственными делами. Если у мужа есть денежная работа и паёк, то жене можно и поспать и забот поменьше. Степан чувствовал её тревожные ожидания и успокоил её ещё на свадьбе сказав на ухо: «Как только в городе обустроюсь и определюсь и решим как быть. Я без тебя никуда».

По окончании отпуска Степан явился к военкому, который встретил его как старого знакомого. Без всяких предисловий вручил ему две бумаги. Одна была приказом на назначение инспектором по военной боевой подготовке, а другая – орденом на получение жилища на предъявителя. Сказал, чтобы в финансовом отделе получил месячное

денежное содержание и документы на продовольственный паёк. Объяснил где отыскать предоставленное жильё и кому предоставить ордер. О предстоящей работе сообщил, что для Степана, как кадрового военного с большим боевым

опытом, дело посильное – организовать и инспектировать боевую подготовку в милицейских частях, вооружённой

охране и запасных воинских частях на территории губернии и новообразованной республики от Камы до Урала. Все бумаги лежат в кабинете; будет у него и телефон и

секретарь. Подчиняться будет непосредственно военкому. Командировки и средства на это- по приказу.

– Вот тебе ключи от кабинета и от дома, знакомься с

людьми, читай приказы на доске объявлений, со всеми вопросами ко мне без стеснений. Как свадьбу справил?

– Весело!

– Вот и хорошо! Дом сегодня же посмотри и жену перевозки, работу мы ей подыщем. Каждый день сбор у меня в кабинете. Да, зайди к интенданту и подбери для себя соответствующую форму. Колчак в Москву шёл на парад, а трофеи все у нас теперь.

Степан осмотрел запylённый обширный беспризорный кабинет, проверил телефон, глянул на гору бумаг с которыми предстояло разбираться. Получил деньги и довольствие, подобрал форму, так чтоб не ударить в грязь лицом и принять начальствующий вид. Выбор был большой. Ситца в стране не производилось, а вот защитной военной формы еще при царе была запасено и прислано союзниками на многомиллионную армию, которая разбежалась и была ликвидирована. Красной армии и белой было чем поживиться. Одних войлочных шлемов как у

средневековых рыцарей названных «будёновками» – горы. Переобмундировался в кабинете. Телефон пока не звонил. Пообедал в столовой и в благодушном настроении сел в

скверике на скамью. Глянул на часы и решил передохнуть, прежде чем отправится на поиск жилища и подумать о произошедших в его жизни переменах. К нему подсели два франтоватых парня с бидончиком пива и принялись медленно тянуть его. Потом достали потрёпанную колоду карт и принялись играть в «очко», комментируя свои удачи. В Степане проснулся дремавший азартный инстинкт и интерес, появившийся в лейб-гвардии полку от безделья, и где Степан был весьма удачливым игроком. У нижних чинов он постоянно был в выигрыше и почитал себя мастером. Карты давно в руки не брал, но, как оказалось, тягу к ним не утратил, стоило лишь их увидеть. В кармане у Степана находились советские денежные знаки имевшие ограниченное хождение и вялая торговля ещё местами теплилась. В ново-

явленной Башкирской автономии
торговля по договору с Российской Федерацией была
разрешена и туда торговцы летели, как мухи на мёд. Уфа ещё не входила в состав Малой Башкирии и деньги здесь имели значение больше символическое, хотя тайком

торговля шла. Парни, заметив интерес Степана и, отметив серебряные часы, что он им продемонстрировал когда

сверял время, стали его подначивать сначала на игру в «фарт» без «интереса», а потом соблазнили и на «интерес». Степан согласился, но только с новой колодой. Парни согласились и из недр большого кармана достали две

колоды нераспечатанных карт и предложили Степану
самому распечатать любую колоду. Степан вытащил пачку малополезных денег. Парни переглянулись. Один быстро

сбегал ещё за пивом, видно знал местных торговков. Принёс и три кружки. Один из парней, что был покрупнее, заявил что язва замучила, а другой пил и всё больше веселел и постоянно подливал Степану. Игра пошла на деньги и Степану всё фартило. Весёлый парень проигрывался

постоянно и чертыхался. Чем больше пива оседало в животе Степана, тем меньше стало везти. Пачка денег истощилась, а азарту добавилось. Голова кружилась и росла злость. Крепкий парень предложил сыграть на часы, Степан

отказался, но в кармане почувствовал ключ от нового жилья и предложил сыграть на квартиру,

продемонстрировал ордер и бросил его на кон.

Удостоверившись что есть документ, и, взяв на кон ключ, выгребли из необъятных карманов все свои деньги, что обнаружили, и, кроме денег, поставили на кон два

перстня. Гора денег и сверкание камней, которые стоили больше приданого Марии, которым он не захотел

рисковать, а вот гора ценностей на фоне бумажки с ключом разожгли страсть. И карта пришла хорошая. Тощий объявил перебор и тяжело вздохнул. Степан открыл свои карты и с нетерпением ждал что вскроет, так и не представившийся, крепко сбитый с бегающими цепкими глазами парень. Медленно, одну за одной, с равнодушным видом, он выложил карты на доску столика в сквере. У Степана по спине побежал холодок, как перед атакой из окопа, и зашумело в голове. «Бывалый» картёжник сгрёб всё лежащее на столе. Ключ и ордер уплыли вместе с камушками и ворохом дензнаков в кожаный саквояж. Планы, которые только что строил Степан, рухнули и виноват в этом был он сам. Всю ночь он просидел в сквере. Город был безлюден. Раз два где-то протрещали выстрелы. Милицейский патруль один раз проверил документы. « Неужели всё рухнет и ему не оправдаться! Что делать? ».

Два следующих дня Степан провёл в командировке в Чишмах. Когда вернулся то ему сообщили, что в его отсутствии в дом проникли два известных неуловимых грабителя и устроили там гулянку. В результате,

купеческий дом, со всем содержимым, предназначенным по ордеру Степану, сгорел дотла с тяжёлыми последствиями. Два, с трудом опознанные трупы, большая опорожнённая

бутылка самогона и обгоревший саквояж с камнями и

золотыми николаевскими монетами были обнаружены на пепелище. Что послужило причиной пожара выяснять не стали: пьянка, не затушенная лампа, папироса или

умышленный поджог, никого не интересовало. Милиции, избавившейся от одной из проблем было только облегчение. Когда это сообщили Степану он только криво улыбнулся и на предложение получить новое жильё в кирпичном доме, сбежавшего с Колчаком чиновника, попросил выделить резвую лошадь которую будет держать в деревне. До места службы два часа рысью и к девяти часам будет на службе как штык, а при командировках за лошадью присмотрят. Да и жене в деревне будет спокойнее. На том и согласились. И Мария такому решению была рада. С сослуживцами Степан сошёлся быстро. Его трудовое происхождение и геройство у Ворошилова и Чапаева и, даже у царя, о которых тоже прознали, помогали в делах. Работа не тяготила и успешно двигалась. Вечером Степан уже бывал дома, где его с нетерпением ждала Мария, которая расцвела и стала

округлять фигуру. Степан не придавал значения этому, пока жена не сообщила, что к весне будет на сносях. Степан подхватил её и так поднял на руках вверх, что испугал

Марию и сам испугался. Потом долго успокаивал Марию, прикладывался головой к животу. Мария только

смеялась:

– Больно скорый ты! Хочешь услышать как ножкой бьёт, так рано ещё.

Урожай по осени выдался знатный, но большую часть зерна выгребли по продразвёрстке, а торговать было

запрещено. Оставили на прокорм семьи и посев. Зато сена заготовили в достатке, но его только скот ест а не комиссары. Огород с садом оказались тоже урожайными. Пайка денег и аттестата хватало чтобы жить безбедно. Да и хозяйство три мужика ладили исправно. К весне Степан ждал первенца в семье. Мария располнела и её оберегали от тяжёлых работ и Меланья её поругивала за чрезмерное усердие и не чаяла души в снохе.

Степан, надолго оторванный от родных мест,

вернувшись, отметил те изменения, которые произошли за восемь лет с его земляками и с его землёй, где он рос. Тысячи переселенцев, сорванных с разных мест где гремела мировая война, нашли убежище на Урале. Сёла разрослись и появились новые. Черниговку, Боголюбовку, Богомолровку и другие русские сёла пополнили беженцы из Украины, Белоруссии, Прибалтики. Устраивались и вписывались в новую жизнь не без труда, на скорую руку и несли новые проблемы. Но тогда, война грохотала вдалеке и возвещала о своём присутствии похоронками, увечными воинами и растущими налогами. Война же гражданская, внутренняя, перепыхала этот центральный край огромной России,

перевернув всю жизнь, как пласт целины при весенней пахоте. В 1917 году, после переписи населения, когда с

фронта срывались сотни тысяч солдат наплевавших на всякую власть, чтобы успеть к очередному переделу земли. Большевики оседлали это стихийное движение

направленное на всеобщий «чёрный передел», оттеснив

спешным «Декретом о земле» выразителей интересов

крестьян- партию народников социалистов

революционеров, создавших самую массовую

политическую партию в России.

Большевистский узаконенный передел отдал всю землю в руки крестьянских комитетов, изъяв всю землю у тех, кто на земле не трудился лично. Это одна из главных причин того, что большевики, при всех грехах и насилиях во время войны над трудовым крестьянством, удержались у власти. Земля досталась тем, кто хотел и мог обрабатывать её на справедливой, по мнению крестьян, основе. Извечная мечта о своей земле для всех тружеников обернулась кровавой междоусобной войной, стиравшей с лица земли целый класс помещиков-дворян, бывших долгое время

опорой монархии во главе которой стоял главный помещик. Была посеяна надежда на быстрое избавление от бедности и нищеты значительной части деревни. Опора же на бедноту -сельских пролетариев, породила невиданные ранее потрясения в самой деревне. Крестьяне же в ходе

Гражданской войны убеждались, что истинными хозяевами земли и их труда является прожорливая власть во всех её видах. И власть советская и белая власть, и власть разномастных атаманов и демократических правительств, и бандитов хотела есть и пить- и все власти мужик должен кормить не обещаниями, а ситным хлебушком и маслицем. Хуже всего, когда власть эта колеблется и неустойчива и к каждой надо приспособиться. В головах мужиков крепла мысль, что только власть мужицкая и сможет понять их, но как до такой власти дойти толком не знали, а такой власти не являлось, а махновщина только плодила новые безумия.

За время Гражданской войны в Уфимской губернии

много раз менялась власть, двигались фронты, гремели сражения, лилась кровь. Все старые противоречия и обиды и родившиеся новые, порождали страшные эксцессы. Со времён пугачёвщины в достославные времена"матушки Екатерины» земля эта не видела подобных потрясений. Русская смута прошла по краю страшной косой под которой ложились жизни, труды, надежды. 7 февраля 1920 года в селе Новая Елань Троицкой волости Мензелинского уезда крестьяне, вооружённые вилами и топорами,

выступили против продотрядов. 10 февраля отряд

крестьянской самообороны истребил Уфимский отряд из

35 человек. Запыхал весь край. Председатель

Революционного Военного Совета РСФСР Лев Троцкий, находившийся рядом, в Екатеринбурге, слал телеграмму Реввоенсовету Туркестанского фронта: «Сдача Белебея невооружённым бандитам представляет собой факт неслыханного позора... Предлагаю виновников казнить как изменников и предателей.» Восставшие, растущие числом, как снежный ком, создали штаб в селе Бакалы и захватили Мензелинск. В Уфимской губернии число восставших

достигло 15 000 человек, а всего по краю, с Малой Башкирией, доходило до 80 000 человек. 1 марта Уфу и губернию объявили на военном положении. 4 марта 10 000 повстанцев, в пешем и конном строю, при 152-х винтовках и 2-х пулемётах, с вилами, косами, топорами и дубинами двинулись на город Бирск, славный яблоками и купцами. Они хотели объединиться с другими отрядами у Чишмов и идти на штурм Уфы. Эта «Война вил», как её называли исследователи и в народе, а поздние историки- восстанием «Чёрный орёл», смертельно угрожало власти. Военных

частей в крае было мало. Туркестанский фронт бил белых в Азии. Для умирения края был направлен уполномоченный

Всероссийской Чрезвычайной Комиссии Сергеев А. Ф.-соратник Ленина больше известный под псевдонимом Артём. ВЧК по борьбе с контрреволюцией и бандитизмом имела право применять и чрезвычайные меры. «Чёрный орёл» расправил свои крылья над краем и летал уже здесь на знамёнах Емельяна Пугачёва полторы сотни лет назад. Только не явилось того вождя и той организованности, что удалось безграмотному донскому казаку, что напугал победоносную императрицу с её умелыми полководцами. Пушки, отлитые рабочими Урала, громили и солдатские полки, а ватаги воинов- башкир брали города. Кончилось та война казнью

Пугачёва на Москве, а его верных атаманов в Уфе, отсечением голов. Крестьянская стихия и анархия смели местные большевистские власти, требуя малого -не грабить и вернуть свободную торговлю. По агентурным

данным, повстанцы в количестве 25 800 человек, при 1208 винтовках (20 винтовок на 1000 человек) и 2-х пулемётах, стояли в 20 километрах от Уфы. Все, кто мог из органов милиции, частей вооружённой охраны (ВОХР), частей Запасной армии, со штабом в Самаре, и снятые с Туркестанского фронта полки, составили карательные части в 6 700 штыков, 816 сабель при 63-х пулемётах, 6-ти орудиях, 2-х бомбомётах с воздуха и одним бронепоезде, были брошены на усмирение. 7 марта был создан Полевой военный трибунал. В заложники брали целые деревни. Всех захваченных с оружием в руках расстреливать могли на месте.

Степана прикомандировали к отряду внутренней охраны, из недавно набранных из крестьянских парней

бойцов, в помощь ретивому молодому командиру и

комиссару для организации боевых действий. Военком отправил отряд под Чишмы в знакомые с детства места. Со смутной тревогой Степан принял это назначение. Мария была на последнем месяце беременности. Степан понимал, что мужики настроены в большинстве против власти, за нежелание твёрдо определить налоги и прекратить

развёрстку. Отряд в сотню штыков при 2-х пулемётах был направлен в место, где Степан в юности в лесах бродил с ружьём и знал дороги и тропинки. Приказ был прост- при отказе сдаться жесточайшим образом подавить

выступление. С началом восстания Степана перевели на казарменное положение и он не мог отлучиться домой.

Сердце рвалось к Марии, волновался за родных и

односельчан, которые как и большинство башкирских,

русских, украинских, латышских и иных мужиков стояли заодно и были в числе тех, кто поднял вилы на власть.

Деревни, через которые проходил отряд, выглядели как

мёртвые. На улицах никто не появлялся. Знали, что берут в заложники семьи тех, кто пошёл в отряды повстанцев. По снежному насту можно было легко определить

местоположение повстанцев ушедших из деревень, чтоб не подвергать деревни обстрелам. Остаться в холода без жилья никто не хотел. Ранней весной в лесу спасения нет.

Безоружным оборону построить невозможно. Надежд на победу мало. Что это было – жест отчаяния, когда терпеть уже нет сил или – надежда на чудо?

Все крестьянские бунты и войны были окрашены в красный цвет пожарищ и крови и не решали вопроса, что единственным хозяином на земле должен быть тот, кто её пашет. «Земля божья – вот и весь сказ и на ней все равны. Кто как трудится – тот так и должен жить.»

Слабое весеннее солнце искрило снег. Степан, с

командиром отряда, на лошадях направляли отряд по

санному пути к видневшемуся вдалеке голому лесу. Следы сапог, валенок и лаптей указывали направление исхода крестьян, а широкая и, хорошо утоптанная, дорога говорила о том, что лес стал убежищем для многих. На двух санях тащились пулемёты и патроны. Хмурые бойцы мерно

шагали, уперев глаза в дорогу, не глядели друг на друга, и молчали. Что происходило в их головах Степан представлял и сам думал о том же: «Как обойтись без крови». Молодой командир шарил биноклем по лесу. На опушке леса появилось тёмное пятно всё более разрастающееся как чёрная туча н грозовом небе. Тысячи полторы повстанцев рассыпались по белому снегу, как брошенная неумелым

сеятелем горсть зерна. Отряд сблизился с повстанцами. Бойцы рассыпались в жидкую цепь и с напряжением ждали команды. Два пулемёта развернулись в сторону леса и пулемётчики, лёжа на санях, через прицел ощупывали

тёмную массу. Комиссар направился в сторону мятежников. Степан взял бинокль у командира и стал рассматривать ряды заматерелых бородатых мужиков с угрюмыми решительными лицами. Были в их рядах и совсем молодые, безусые парни скрывающиеся от военных мобилизаций.

Огнестрельного оружия Степан не разглядел. Вилы, дубины и топоры – против пулемётов! Комиссар, не доходя шагов сто до мятежников, прохрипел в рупор:

– Предлагаю всем сдать оружие и выдать подстрекателей! Обещаю сохранение жизни и справедливый суд. Жду десять минут. В случае неисполнения открываем огонь и вершим суд военного трибунала на месте по законам военного

времени! Родственники зачинщиков будут репрессированы, а дома сожжены.

В ответ прокричали:

– Обещайте отряды продовольственные распустить и мужика работающего до советов допустить.

– Полномочий у меня таких нет и обещаний других я давать не буду... Я всё сказал. Время пошло, -ответил комиссар.

Десять минут прошло... Двадцать минут прошло.

Противники недвижно, в напряжении стояли друг против друга. Какие мысли мутили головы стоящих друг против друга детей крестьянских – не нехристей, а крещёных в купели и с крестиками на шее?

Вдруг, как осенний ветер несёт пожухлую листву, тёмную толпу понесло на жидкую цепь бойцов вооружённой охраны. Снег мешал движению. Застучали пулемёты и затрещали выстрелы. Снег окрасился кровью, как ягодами переспевшей калины.

Степан видел как падали мужики, совершенно

беспомощные и обречённые. Желваки заходили на скулах, заскрипели крошась зубы.

Степан выхватил пашку из ножен и подскочив к ближайшему пулемёту заорал:

– Отставить! Оглохший пулемётчик, видевший только цель, жал на гашетку. Степан рубанул холодным клинком по горячему стволу пулемёта. Ошалелый взгляд стрелка пронзил Степана. Клинок рассыпался и осколком полоснул по лицу, а лошадь понесла Степана, проваливаясь в снег,

в сторону повстанцев залёгших в снег. Выстрелы

прекратились. Степан остановил твёрдой рукой

взбешенную лошадь в рядах повстанцев. Кровь заливала лицо Степана. Крепкий мужик с вилами поднялся со снега и двинулся к вздыбленной лошади Степана. Чей то голос разорвал тишину:

– Не трожь! Это Драбок! Он меня от колчаковцев спас! Степан спрыгнул с лошади. Мужики обступили его.

– Что ещё скажешь комиссар? Зачем явился? Смотри, как бы чёрный орёл для тебя вороном не стал.

– Не пугай меня, не таких видывал! Зачем явился спрашиваешь? Вы земляки мои и жизни ваши убережь собрался, если они вам ещё нужны. Мои руки тоже за вилы и чапиги держались. Армии вам не одолеть. У ней и аэропланы, и пушки, и броневики. Мы на одной земле живём и в неё уйдём. Комиссары крепко дисциплину держат. К вам побегут солдаты -под расстрел попадут

и им помирать нет охоты. Не лейте кровь понапрасну, не всякая власть вечная, а вы своё вечное дело делайте: детей растите, землю пашите. Если не в моготу, всё одно- жить лучше, чем умереть без пользы. Власть советская и

генералов и иноземцев вышвырнула, а вы власть так

напугали, что ей голову чесать придётся. Послушайте меня земляки! Зла я вам не желаю. Сложите оружие, а уж какая там судьба к каждому обернётся – один бог знает. Христос

несправедливости терпел и верой жил. Кормильца сгубить нельзя, без него жизнь затухнет и дети не родятся. Такой мой сказ вам и просьба моя, а решать вам. Худой мир- лучше войны, а кровь людская – не водица!

Степан прижался щекой к гриве успокоившегося коня и смотрел как снегири клевали алые пятна крови на снегу. По небритой щеке Степана пробивались сливаясь два ручейка – слеза и кровь. Пока мужики совещались, Степан прислонился спиной к толстой берёзе, готовившейся по весне пролить соком кровь земли истерзанной войной, но вечно возрождавшейся из под снега после зимних холодов к жизни и цветению.

Три винтовки- всё что было в арсенале мужиков, если только кто то не схоронил в снегу свою защитницу, и пять трупов погрузили на сани. Понурые мужики, живые и раненые, под охраной, направились с опушки леса на станцию, где заседал революционный трибунал. Теперь, на улицах деревень, через которые проводили пленных, высыпал весь народ и охрана боялась, что растащут

своих кормильцев по домам, но всё обошлось. Зачинщики, добровольно признавшие в своих преступлениях перед властью и взявшие вину на себя, были отправлены в тюрьму для расследования. Остальных распустили по домам, но

занесли в списки. Ни командир, ни комиссар о

самоуправстве Степана не доложились и получили

благодарности за сохранность бойцов и ликвидацию

мятежа. Степан отпросился у военкома на два дня по болезни и семейным обстоятельствам. Тот, глянув на Степана, и, отметив появившийся седой клочок волос на голове его, видя его состояние только махнул рукой, но сказал, чтобы он получил новую шашку (видно кто-то по доброте душевной или иной причине, донёс до военкома о том, как вёл себя инспектор).

Лошадь несла Степана по заснеженной дороге к дому, где его ждали с нетерпением и новостями. Не успел всадник соскочить с лошади влетевшей во двор, как из дома

выскочила без платка мать и бросилась к Степану с криком:

– Сынок, родименький, у тебя, Стёпушка, сын родился!

Степан рванулся в дом, открыв дверь запустившую с ним холодный воздух, увидел на кровати у печки сидевшую в исподней белой рубашке улыбающуюся Марию, держащую, у набухшей груди, спелёнутого тёплой белой тканью, краснолицего, пухленького младенца, который оторвался

от груди и искал её, чмокая губками. У Степана

закружилась голова. Мать стаскивала со Степана холодную шинель. Степан сел у печки и стал согревать руки. Мария смотрела на мужа счастливыми глазами влажными и светящимися. Привыкшему брать чужие жизни почти не задумываясь, сейчас предстояло взять в свои руки

крохотное, тёплое, живое тельце своей плоти и крови за которое он теперь отвечал перед богом и людьми. Когда Мария отняла тельце от груди, а тело и руки Степана

согрелись, невесомый комочек перекочевал в его руки. В сознание вошёл неведомый ему раньше страх за эту маленькую жизнь, которая могла прерваться от одного неверного движения. Осторожно поднёс лицо спелёнутого первенца к своему лицу, выискивая в розовом личике свои черты, и ему казалось, что находил их. Сам Степан не помнил своих настоящих родителей. Мать Степана и отец были унесены эпидемией чумы, а Меланья была сестрой кров-

ной матери Степана. Когда, уже будучи подростком, Степан случайно узнал тайну своего происхождения, у него никогда не возникало мысли, что он не истинный сын Фёдора и Меланьи, а приёмный взятый из милости. Для брата и сестёр своих, как и для приёмных родителей, он был первенцем, любимым всеми.

– Что ж раньше времени явился, меня не дождавшись, -неожиданно спросил- то -ли в шутку, то -ли всерьёз Степан.

– Видно божий свет и папку хотел быстрее увидеть и сон дурной мне приснился, будто беда с тобой случилась. Откуда у тебя белый клочок на голове появился?

– Ты бы, любушка, легла. Тяжело, небось, ещё?

Подошла Меланья и взяла малыша из рук Степана.

– Сынок, соседке бабушке Матрёне, подарочек снеси. Мы с ней роды неожиданные принимали, а жена твоя даже по бабьи не покричала. Как нового мужика называть будете? В святцы глядеть будете или сговорились уже?

– Уговору не было и святых угодников тревожить не будем. Я в императорском полку книг начитался из истории русской. Там имён знатных рассыпано, как пшеницы из дырявого мешка. Вот мы с женой и подумали, что там искать сподручнее, чем в святцах Матрён и Епифаниев в имена брать. Ты, Мария, согласна на Александра? И святой Невский, и три императора, и Македонский с Суворовым имя славное носили и на часах, что от деда Евсея, Марией мне дареных, имя это стоит и я его при себе носить буду. Чем наш сын хуже таких особ!?

Мария подошла к Степану, закивала головой что согласна и, водя руками по волосам мужа, повторяла:

– Сашенька, Сашок!

Что у тебя белый волос вылез, – опять спросила Мария и подвела Степана к зеркалу. У правого виска пробились

седина. Мария наклонила голову Степана и прильнула губами к виску, ощущая как сердце гонит кровь по венам. Степан вдыхал запах материнского молока, телом ощущал груди Марии и сознанием провалился в далёкое детство, когда он мальцом сидел на руках матери и смотрел как отец чинил бредень или подшивал валенки, а мать пела тихие убаюкивающие песни. Голова кружилась от ощущения счастливого полёта в который отправила его Мария.

На следующий день: бабка-повитуха, соседи и друзья отметили за столом появление нового черниговца. Данила, со своей пригожей и светящийся довольством женой, словно сбросил годков десять и выглядел молодцом. Явился с бубенцами, с поздравлениями и подношениями. У него

появился ещё один наследник по мужской линии. На этот случай он заколол кабанчика. Мужики со Степаном не

боясь заводили разговор о восстании. Василий с Петром вместе с несколькими мужиками исчезли из села. У Петра была винтовка. Отец непотребно ругал Василия, но

поддакивал мужикам, когда те ругали власти. Степан

отмалчивался, но когда его допекли вопросами- чего он к этой власти пристал, то отрезал, не на шутку разозлившись:

– На иконы молитесь и Писание святое чтите, а там сказано, что всякая власть от бога. Так вы – либо богу

молитесь, либо терпите, а лучше сговоритесь и власть

научитесь выбирать. Вам царь не угодил – вы за него не держались и скинуть позволили.

Ни временные, ни

большевики, ни колчаки – не милы. Каждый за своё

хозяйство держится, о своём брюхе заботу имеет, а дойти своими мозгами до общей пользы не можете. Когда вам плохо – то у власти защиты и помощи ищите, когда вам

хорошо- то и власти вам не к надобности – каждый сам себе хозяин. Вот сейчас в довольстве одни бандиты живут- они и власти порушат и землю запоганят. Чтоб народу поумнеть, много крови ещё литься будет. А пока народ в смятении:

кто Емельку Пугачёва кличет, кто за Ленина бьётся, кто к попу бежит, кто в избе или лесу сидит и на люди нос не

кажет, кто с Колчаком до Китая дошёл. Лучше твёрдая власть- чем смута. Тут на селе меж вами миру нет, а что о

громадной стране говорить? Не у всех даже в своём доме порядок есть. С женой лагаться и власть поделить не можете. Когда в семье порядок и разум правит, то и в деревне, и на заводе, и в казарме, и в дворце царском порядок можно навести. Человека жадность губит, ему всё больше хочется и малым довольствоваться не желает, а богатства свои разумно распределить не может. У одних мыши из дырявых мешков зерно точат и всё из рук валится, а другой пирог пшеничный печёт и как сыр в масле катается. Так и в государстве – если в мозгах худо, то и в брюхе- пусто. Свои глупости и грехи легко на власть взваливать. Мне власти, как и вам, тоже хвалить шибко не в чем. Одно я усвоил, что всякая власть людям помогать должна, тем кто трудится, да только к власти много проходимцев да жуликов липнет. Ну бог им судья- он всё должен видеть и за всё судить, а на земле праведный суд трудно сыскать. Не могут люди все одинаково мыслить.

Мужики кивали и качали головами, но понять что у них происходило в голове было трудно, а языки распускать по

нынешним временам было не безопасно. Каждый был сам себе на уме.

Ночью, когда Степан с Марией, устроив младенца

между собой, и, ощущая близость крохотной своей плоти, вели тихий разговор о дне сегодняшнем, с его заботами и мечтаниями о будущем, в окошко послышался тихий стук. Проснувшийся Фёдор подошёл к окошку и долго всматривался в темноту ночи. Затем, шаркая в чувыках по полу, вышел в сени отворить дверь. Несколько минут в сенях слышался приглушённый разговор. Степан встал с постели и вышел босой в сени. Там отец отчитывал одетого в полушубок и треух Василия.

– Погодите шуметь -дителя разбудите. Пустите в дом

партизана, пусть согреется, а поутру на свежую голову и поговорим, – прервал разговор Степан.

Вышла Меланья и повисла на шее Василия. Фёдор оторвал её и подтолкнул Василия в горницу. Василий сбросил полушубок у печки и поставил валенки сушиться. Лёг на полу на полушубок. Мать принесла из сеней тулуп и холодную подушку и соорудила на полу постель. Когда приготовила наспех поесть, то Василий уже спал крепким сном. Мать в темноте посидела рядышком на табурете, повздыхала и поплакала. Степан всю ночь так и не смог заснуть. Когда закрывал глаза, то на снегу сугробы клевали красную калину.

Когда начало светать, мать затопила печь и принялась за извечные хлопоты – как накормить мужиков, которых в доме уже стало четверо. Несколько раз она подходила к кровати где спали Мария с младенцем и лежал, с закрытыми глазами, её старшенький Степан ставший отцом. Младенец во сне посапывал уткнувшись в грудь матери. Степан, размежив ресницы, с нежностью смотрел на личико

младенца и лицо Марии, по которому во сне блуждала

блаженная улыбка. Во сне она казалась ему ещё более прекрасной, чем когда-либо ранее. Василий, покашливая, поднялся с пропахшего дымом костров полушубка и

осторожно вышел во двор. Кряхтя, за Василием встал отец и вслед вышел во двор. Степан, растянув своё тело,

сбросившее усталость, нежился в тепле. После недавних потрясений душа нашла успокоение. Так бы лежать и

лежать, как в детстве на жарком солнце на берегу реки- беззаботным и весёлым. В печке трещали дрова, в печной трубе ветер затянул свою песню и за печкой трещал сверчок. Миром, спокойствием и теплом веяло в отчем доме. Все заботы и тяготы суетной жизни, казалось,

растворились в тепле натопленной горницы и робком солнечном весеннем лучике, что улыбочиво заглядывал в окошко. Тепло и запах человеческих тел, излучающая тепло белёная русская печь, с духом берёзовых крупно колотых дров, настраивали мысли Степана на мирные житейские заботы. На крыльце кто-то затопал по доскам отряхивая снег с обуви. Быстрые шаги протопали по доскам в сенях. Отворилась дверь. Клубы холодного

воздуха вползли через порог в нагретый дом. В дверях появилась с непокрытой головой Наталья. Растрёпанные волосы, раскрасневшееся лицо, расхристанный чёрный жакет говорили о спешке и волнении. После свадьбы Степана она прибрала нерешительного в любовных делах Василия к своим хозяйским рукам и зачастила в гости к Дробкам, которые смирились и думали о складывающейся новой семье. Все дети остепенились, пришла пора зрелости. Наталья уже готовилась к свадьбе, а Василий, сговорившись с мужиками и в паре с начальствующим над ними Петром, в небольшом отряде ушёл в лес, не спросивши отца на помощь повстанцам. Увидев рано утром одного из повстанцев, опасливо крадущегося вдоль полутёмной улицы, она поначалу не сообразила к чему бы это, а придя домой и посидев, вдруг взвилась и понеслась как гусь, махая руками как крыльями, вдоль улицы к дому

Фёдора. Наталья ворвалась в дом. Меланья выскочила с кухни и замахала руками:

– Т-с-с! Не буди дитя! Твой шармач с отцом где-то во дворе. Наталья осторожно прикрыла дверь и быстро слетела с крыльца. Василий с охапкой дров стоял у бани с виноватым видом. Наталья с налёту боднула его головой в грудь. Дрова посыпались ей на ноги, а Василий сел в

сугроб. Наталья стала бить его кулаками в грудь, а потом рухнула на него и заревела, как малая девчушка на весь двор. В сарае подпевая ей замычала корова. Из сарая вышел Фёдор с вилами, с крыльца спускался, накиннув на плечи шинель, Степан.

– Цыц!, -рявкнул Фёдор.– Хватит голосить! Живой дурень и слёз твоих, Наталья, не стоит. Сядемте на время, разговор есть, а ты, Наталья, в дом иди скорей к бабам, а то застудишь задницу. На мальчика взгляни, да не сглазь. Я твои глаза знаю, Ваську как телка водишь, а он – не мычит и не телится. Когда Наталья скрылась в доме Фёдора, тот присел на крыльце и пригласил сыновей сесть с двух боков. Степан сел по правую руку, Василий, с опаской присел, слева- знал что рука у отца тяжёлая. Достал из кармана полушубка кисет с табаком, но Фёдор так зыркнул на него глазами, что тот быстро отправил его назад в карман.

– Это кто тебя обучил табаком греться да по лесам шастать? Бросай баловство! Скажи ка лучше, что тебе в

доме не сидится? Теперь, поджав хвост, как битый пёс, прибёг, а нам за тебя ответ держать?

– Сам отвечу, коли придётся перед властью, а от мужиков отстать не хотел, за дело общее шёл. Помнишь, батя, как продотряд у нас после Колчака по нашим амбарам прошедшего, то что успели схоронить, всё подчистую выгреб, как ты проклятья сыпал. Власти говорили, что продотряды отменили и продразвёрстку ввели, только нам

от того не полегчало. А Лёшка Лешак к нам и чехов водил да свой зад от отца родного повредил, а теперь в бедноту записался и в комитет выбился и активисты вышел. А за хлебушком когда пришли, Лешак всё что вынюхал, лазя по дворам, и выложил. Всех крепких мужиков, гнида, разорил и к нам заглянул. Много с той поры у тебя, батя, хлебушка осталось?...

Молчишь! Лешака сейчас нечего бояться. Сгинул он не без нашей помощи. Если хочешь отыскать, то в лесу на осине он болтается. Только ждите по осени опять явятся комитетчики и опять песни запоёте под их ружья-балалайки. Они с наших хлебов кормятся, так как ни лошади, ни своего хлебушка у них нет, зато их власть советская и голубит. Деревня наша не безбедная и мимо нас их телеги не проедут. В городе сколько чинов-

прихлебателей развелось, да в армии красной, пишут, скоро пять миллионов будет. А других армий сколько развелось:

и белые, и интервенты со всего мира, и лесные разбойники,

и городские бандиты. У царя столько не было! Заводы

стоят, торговли нет, а всем кушать подай. У Степана, вот, ещё один рот появился и его кормить надо. Так что, нам на них задарма батрачить? Мужики в лесу решили, что если развёрстка не отменится, землю пахать, чтоб не

надрываться для того чтоб досыта есть этой власти, а чтоб семье на прокорм хватило, а если они у мужика всё заберут и его изведут, то через год и сами сдохнут.

– Экие мудрецы- экономисты, – прервал его отец. – Хотите власть на колени поставить! А не боитесь, что она вас подомнёт и по миру пустит и от мудрствований ваших только пшик и выйдет и самым хуже станет! Всё у вас загребут: и земельку и инвентарь и лошадок и беднякам в артели передадут и в ваши дома заселят, а вас на высылки в Сибирь упекут и на пустом месте бросят. Земли там край непочатый и ежели жить захотите, то и там для комунки землю распашите. У бедноты то брюхо, не как у тебя устроено. Они и потерпеть могут и нужду знают. А ты, хоть один годок на Урале голодный помнишь? Молчишь? Нет у тебя на памяти этого. Блины со сметаной за столом не

переводились- вот и привыкло твоё брюхо к сытости и не ты брюхом командуешь, а оно тебя в лес водит. Мать тебя молоком силком поила, а ты пряничка из лавки ждал. Если власть не глупая, то дойдёт до понимания, как смерти своей избежать. Самый грозный царь- это голод. Он всех на место поставит и мозги вправит. Так что не гневите бога,

перетерпите. Авось да небось не спасут от беды, от беды спасут – труды. Сам помирай, а поле засевай. Тебе,

Василий, вот моё решение – если власти в тюрьму не

сгребут, то через неделю, чтоб с Натальей сошёлся. Она тебя в руках удержит и дурь из головы выбьет. Дом у неё пустой, а землю вам выделяют. С весны, чтоб всё засеял; в хозяйство, что на первый случай надобно, выделим, пора жить своим умом. Нам с матерью пора внуков нянчить

насколько хватит сил. Тебе Степан советов давать

надобности нет- своя голова на плечах. Служба службой, а земля тебя ждёт. Мы со старухой не вечные и хозяйство тебе с Марией доверю. Дом с тобой рубили, места всем хватит, да и Марии будет надёжнее у нас. Пусть Данила со своей молодухой хозяйствует, а ты с Марией и их не

забывай, в случае чего, поможете. А теперь за стол- бабы

заждались.

К севу большая часть мужиков – повстанцев занялось мирным трудом.

ГЛАВА ВТОРАЯ

Пётр, который в лес ушёл с винтовкой и знал
что за это последует, пристал к одному из многочисленных
отрядов казаков-атаманчиков, кормившихся от войны набегами на склады и обывателей
и не признававшие никаких властей. Лишь бы укрыться, выжить, а там- как повезёт- такая вот
программа! А если власть отыщет и прижмёт- значит не судьба найти покой в бушующем море.

Из деревни он пропал. Рушилась веками устоявшаяся жизнь, Потоком событий люди
вырывались из привычной среды и в пучине этого сокрушительного потока, пытаясь не захлеб-
нуться и утонуть, искали опору, которая могла помочь им сохраниться при подвижной, часто
сменяющейся властью, которая могла сохранить своё существование террором по отношению
к противникам, отступникам и заблудшим. А это плодило тех, кто считал всякую власть исча-
дьем ада, кричал: «Анархия- мать порядка!», давал волю инстинктам и призывал крушить
всё, что связано с властью. Многие же вспоминали спокойные времена, кляли батюшку-царя,
выпустившего власть из рук под

улюлюканье революционеров и либералов и готовы были
принять любую власть, что прекратит войну и даст
спокойствие. Поток событий колебал и рушил веру, плодил грехи и заставлял искать
убежище, чтоб сохранить самое ценное- жизнь. Миллионы покинули пределы отечества.

Животный инстинкт заставлял многих бросать семьи,
устроенный быт, и искать убежище, как дикий зверь. В надежде, чем и как- угодно,
добыть средства

существования и хоть на время избавиться от власти, которая объявила охоту на этих
отчаявшихся и одичавших особей, которые раньше считали себя людьми, а нынче ощущали
загнанными волками. «Великие времена» ломки сознания и привычной жизни людей- окаян-
ные времена!

Этим потоком событий Пётр, как щепка в половодье, был занесён в «разбойничью артель
зленных лесных

братьев» вынужденных скрываться от властей, против которых, вольно или невольно
согрешили. Надежды на лучшее были хлипкими и призрачными... но как жить
по-другому они не могли определиться. Пусть будет- что будет!

Маленький отряд с атаманчиком-шишкарём, имевшим авторитет удачливого партизана,
который сражался и с белыми и с красными, устроил лагерь-лежище в лесу. Набеги на «злач-
ные места» чтоб подкормиться скрашивали

тяжкий лесной быт с постоянными страхами быть
обнаруженными. В предгорьях Южного Урала, где лесостепь сменялась тайгой, беско-
нечно тянущейся до Тихого океана, где с жестокими боями по горным дорогам пробивалась
партизанская армия Василия Блюхера и были

разбросаны глухие башкирские деревни перемеживающиеся с русскими поселениями
пахарей и горнорабочих и хуторами латышей переселенцев, было легко укрыться. Здесь
во время Гражданской войны неколебимо

сохранилась партизанская республика куда боялись сунуть нос и белочехи и колчаковцы.
Сюда, как сухую степную траву перекаати-поле, жестокими ветрами междоусобной

войны замело и Петра и сотни неприкаянных скитальцев с
оружием в руках и грехами против красной власти. В лесных чащобах, землянках, охот-
ничьих сторожках, пещерах и хуторах можно было найти укрытие, надеясь на себя и на тех,
кто «лесным братьям» сочувствовал.

Пётр в маленьком лесном братстве близко ни с кем не сошёлся, был замкнут и одна мысль терзала его: « Почему судьба никак не повернётся к нему своим светлым ликом, чего ему не хватает, чтоб уверенно и прямо идти по жизни?» Ответ найти не мог и винить было некого.

«Жизнь, если в ней есть смысл, должна вывести его на путь

Который определяет не он, а время в котором он

барахтался как плохой пловец в бурном потоке и не может понять – зачем ему такое наказание. Вот у Степана жизнь складно идёт, а я почему невезучий?» Особенно муторно было на душе долгими осенними ночами когда не шёл сон, а одолевали тяжёлые мысли в сырой землянке под

монотонный, унылый шёпот дождя. Предстоящая зимовка пугала. « Где выход?»

В лесной лагерь-логовище изредка навевалась, из

затерянного в лесной низине крепкого хуторского хозяйства, красивая, краснощёкая, голубоглазая, с

длинными светлыми волосами, лежащими на голове туго

заплетённой косой, Вилма – давняя переселенка в здешние места с берегов продуваемой ветрами и орошаемой

прохладными дождиками Балтики. Её звонкий голос с

инородческим акцентом и весёлый настрой в общении с лесной братвой вносили в унылый быт, завшивевших и пропахших мужскими запахами и потом мужиков- разбойников, заряд бодрости и призрачной надежды. Вилма

зорким, цепким взглядом высматривала очередную жертву среди обитателей лагеря, которая сгодилась бы ей в хозяйстве и обустройстве жизни хоть на короткое время. Уже при первом взгляде на Петра- новобранца лесной

шайки, она оценивающим взглядом отметила его складную

фигуру, стать и приятное лицо обрамлённое светлой бородкой и усами и волнистыми льняными волосам

выбивающимися из- под фуражки. Навела о нём справки из которых выяснила только то, что- не женат и

малоразговорчив. Вилма, сначала по требованию, а потом по доброй воле доставляла в лагерь мёд, молоко и иную

кормёжку (в хозяйстве имелись пчёлы, две коровы, мелкий скот и огород). Обменивала это на шмотки, которыми

промышляла банда в своих набегах. Выглядывала себе исправных работников, которые приживалами помогали ей в хозяйстве с позволения атамана и были мимолётными кавалерами у молодой вдовы. Пётр узнал, что мужа своего – латыша-переселенца, который не смог подарить ей детей и ласк потребных её темпераменту, она в домашней ссоре, уличив его в супружеской измене, ударила топором, да так неудачно, что тот от горячности супруги, нервного

потрясения и загноившейся пустяковой раны

скоропостижно умер. Без слёз и причитаний схоронила его на задах за огородом. На могиле не поставила

католического креста, а посадила ель. Те, кто побывал у Вилмы в работниках и ухажёрах, нахваливали вдовушку за ласки, оценивали её тело, но бранили за характер. Хотя и зубоскалили, но в душе надеялись, что она снова остановит свой взгляд на них.

Во время очередного, тщательно организованного похода за пропитанием на складское помещение дальнего

железодельного заводика, который, к удивлению, дымил и давал продукцию и в посёлке при заводике не перевелись богатенькие обыватели припрятавшие своё барахлишко от властей (власти грабили так же жестоко как и бандиты, но соблюдали видимость законности и социальной справедливости), Пётр получил лёгкое ранение от мальчишки-охран-

ника, «вохровца» (отряд вооружённой охраны), плохо обученного и неосторожного. «Лесной брат», товарищ по несчастью уберёг Петра нанеся сторожу

удар окованным прикладом в лицо. Присел рядом с упавшим и стал стягивать со стонущего новые сапоги. Пётр

стоял рядом и тупо, бездумно смотрел на эту сцену. Товарищ поднял глаза, посмотрел в бледное лицо Петра, освещаемое пожаром от горевшей конторки завода. Со склада напавшие вытаскивали и грузили на две телеги всё, что могло облегчить их лесной быт.

– Что глядишь?... Не тебе судить! Если хочешь пожалеть

сосунка, то лучше добей, чтоб не мучился. Он тебя прикончить мог. Тут жалости нет!

Или ты его- либо он- тебя!

Пётр глянул на окровавленное лицо парня, видел как тухнут глаза, умоляюще глядя на него и искривляются в неестественной улыбке губы. Холодная дрожь сотрясла тело Петра. Он резко бросился, чтоб скорее забыть эту

страшную картину в открытые двери склада, чтобы что-то

схватить и бросить в телегу. Попалась связка зимних валенок. «Сгодятся» – мелькнуло в отяжелевшей от прилива крови голове Петра.

Пустяковая рана в условиях лесного быта в сырой землянке обернулась через несколько дней загниванием, горячкой, бредом и потерей сознания. В один из моментов прояснения, когда Пётр с закрытыми глазами лежал пластом на палатах, усталых еловыми ветками и

высохшим сеном, укрытый холодным рваным одеялом, услышал обрывки разговора вислоусого и заросшего широкой бородой атамана с ординарцем:

Ты бы, отвёз бедолагу на хутор к Вилме. Заметил я, что она его отличила и глаз положила... Может примет его, а нам он сейчас без надобности. Ещё занесёт какую-нибудь болезнь-лихоманку и все лежать будем. А если хуторянка его не примет, то сам знаешь что сделать. Схорони, и чтоб никто не знал, а винтовку его почисть и оставь. Всё ясно!

Ординарец кивнул головой:

– Что тут не понять, исполню всё как следует. А Вилме что передать?

– Пусть жратвы побольше запасает, да к нам дороги не забывает. Передай, что мы её не оставим и если что – то всегда достанем.

Тело Петра, укрытое старым с прорехами тулупом несколько часов тряслось на телеге по лесным тропам и склонам до хутора затерявшегося в лесной чаще, где был расчищен и выжжен участок для огорода и клин для пашни.

Два десятка ульев стояло ещё в полисаде и не были убраны в омшанник. Две коровы и телок с дюжиной овец паслись на опушке. Двор был широкий, а дом крепкий,

пятистенный, с обширными сенями и навесом над широким и высоким крыльцом. О чём говорили ординарец с хозяйкой хутора Пётр не слышал. Всю дорогу до хутора возница был молчалив, а Пётр бесчувственным. Очнулся в тёплой постели застеленной тёмной простыней, под ватным одеялом. Дом был хорошо протоплен и, проникающее под одеяло тепло

добавляло жару воспалённому телу и гнало из него липкий пот. Стекая со лба, тёплый ручеек торил дорожку по небритым щекам и застревал в бороде. Хозяйка, плотная телом и разруганная, хлопотала у печи исторгавшей запахи мяса и варёного в чугуна картофеля. На

приглушённое покашливание Петра и скрип кровати

повернула голову и, отметив пристальным взглядом, что больной постоялец очнулся, подошла к нему и,

склонившись, заглянула в глаза. Белые распушеннее,

роскошные волосы хозяйки легли на плечи и грудь Петра, а

губы коснулись лба.

– Да ты, красавец, видать, пришёл в себя и дышишь ровно, а я уж грешным делом думала, что богу душу отдашь, а мне

только хлопот доставишь.

Провела мягкой, тёплой ладонью по мокрому лбу.

Принесла холодное мокрое полотенце, утёрла им лицо и положила на лоб.

– Что скажешь, молодец? ... Хорошо ли тебе?

– Спасибо, хозяйка, – прохрипел Пётр.

– Ну, вот и голос подал -значит жить хочешь. Над чугуном горячим картофельным духом подышишь и молочка с мёдом примешь, глядишь и на ноги встанешь. В берлоге лесной простуду нашёл, а шерстью медвежьей не оброс. Я тебя отопрею, только мне не противься. Я травами лечить обучена и болезни твои изгоню, а ты пока не двигайся и силы береги. Тебе не только тело, но и душу лечит надобно. Как окрепнешь в баньке из тебя злой дух выгоню.

Вечером, укладываясь спать, Вилма прилегла рядом на широкой кровати, на тёплую перину что постелила, в ночной рубашке. Положила свою руку на грудь Петра. Всю ночь периодически щупала его лоб, теребила курчавые

спутанные волосы и гладила грудь и живот. Временами тяжело вздыхала, думая о чём-то своём – тайном.

На следующий день хозяйка жарко истопила баню и осторожно посадила обнажённого Петра на полоч. Понемногу поддавала пару плеская на раскалённые камни

тёмный отвар из трав с медоносных лугов. По давно не мытому телу потекли тёмные ручейки. Тепло входило в тело, которое освобождалось от тяжести и делалось невесомым и послушным. Вилма вышла в предбанник вошла с заваренным в кипятке веником и вошла в баню обнажённой. Пётр смутился и пытался отвести взор от плотного сдобного тела и тугой груди не знавшей

прикосновения губ младенца.

– Что нос воротишь, или я неприятная... А, может, ты ещё баб голых не щупал.

Пётр закашлялся и перевёл взгляд на неожиданную банщицу.

Ладное, розовое тело её дышало здоровьем и похотью. У

Петра закружилась голова в которую ударила кровь и потемнело в глазах. Отметив, что Пётр ослаб, Вилма уложила его на полоч и, сначала мягко, а потом сё сильнее,

стала мягкими движениями веником выбивать хворь из его груди и спины. Пётр, лёжа на спине, видел её

раскрасневшееся лицо с масляно блестящими глазами и колышавшиеся перед его глазами груди с красными

разбухшими сосками и чувствовал как тело становилось лёгким, а мысли путанными и тяжёлыми. Вилма продолжала колдовать над его телом, сдирая мягкой липовой мочалкой

остатки неустроенной лесной жизни, мяла мышцы и гладила кожу. Её руки, грудь и живот касались тела Петра.

Кровь прилиwała к голове и пробуждала в теле угасшие и дремавшие силы.

– Ты, у меня ещё летаешь, голубок, – усмехнулась

Вилма глядя призывно прямо в глаза Петру. Закончив

хлопотать над крепким, мускулистым телом, ножницами

подровняла его бородку и усы, отошла в сторону и оценивающе посмотрела на свою работу.

– Так-то, лучше, хоть в кавалеры записывай лесного бродягу! Рана твоя зажижилась.

Отёрла тело жёстким льняным полотенцем, обрядила в

отглаженное и постиранное мужнино бельё, выбросив

Петровы исподники. Тот не сопротивлялся и покорно исполнял всё как малый ребёнок. В хорошо протопленном доме уложила на мягкую, взбитую перину застеленную белоснежной простыней, и укрыла толстым, стёганным, зимним одеялом, напоив настоем из трав несущим

щих запахи лета. Согревшись и пропотев Пётр провалился, как в тёмный бездонный колодец, в забытье. Радужные круги перед глазами сначала преобразились в звёздное небо чёрного бархата, а затем тёмное сознание родило сладостный сон, в котором ласковые руки матери гладили его лицо и перебирали мягкие, кучерявые, шёлковые волосы. А может, это был и не сон.

Проснувшись, когда за окном уже начало смеркаться, Пётр ощутил прилив сил и дикий голод. Вилма хлопотала накрывая стол. Запах светлого самогона второй перегонки и мяса витал в доме. Вилма была уже навеселе.

– Вставай, голубчик! Пора и честь знать. Глянь, какой румяный, словно сдобный калач! Давай подкрепимся; не всё же моей водочкой дружков твоих ненасытных поить. Глотки у них лужёные, а желудки ненасытные. Кто б меня защитил от их ухаживаний? От них благодарности не добьёшься, а под монастырь на кладбище могут подвести. Чего ты к ним прибился?

Пётр выбрался из под одеяла, ступнями ощупал прохладный пол. Его отстиранная одежда лежала на табурете у кровати. Тихо, сам себе, под нос пробурчал:

– Кабы знать куда приткнуться?

– Носки вязанные натяни, да портки накинь, ужинать будем.

За окном моросил нудный, мелкий, осенний дождик, навевающий тоску. Небо, затянутое тёмными тучами, укрывало ими землю, оплакивая уход тепла и предвещая

приход холодов. Холодно было и в душе Петра. «Скорее бы эта волынка кончалась. Глупо цепляться за то чего не вернуть. Всем миром, что под белым флагом собрался,

большевиков пытались скovyрнуть, да видно крепкие корни они в народе пустили. Море крови пролитая между братьями и единовѣрцами скорого примирения не даст.

Зачем мою кровь в это море добавлять! Тридцать лет дураку, а что, кроме войны, видел то! За ней, проклятой, ни труда мирного, ни семьи не завёл, а только жизнь свою на кон ставил. Авань, власти дальше Сибири не сошлют, а и там жизнь есть, а муки терпеть уже привык, может бог поможет, если свинья не съест». Голос Вилмы прервал тяжёлые размышления и вернул Петра к действительности:

– Скоро дружки твои в лесу, как медведи, в спячку залягут, да вот только не отлежаться им до весны. Зимой властям сыскать их легче и шерсти, такой как у медведя, у них нет, а милиционеры-охотники на них найдутся. И охота тебе с ними дружбу водить?

Пётр молчал и работал челюстями. Здоровеющее тело требовало пищи. Хозяйка прибрала со стола, взбила перину

и подушки на постели, погасила лучину (ни керосина, ни свечей достать было невозможно) и удалилась за занавеску. Пётр с головой залез под одеяло. На тёплой перине, в натопленном доме сон быстро сморил его.

Проснулся в темноте от того, что горячее обнажённое тело хозяйки навалилось на него и обхватило тело руками, как железные обручи охватывают деревянную бочку. Пётр

не сопротивлялся обрушившимся на него ласкам, которые не разожгли в нём ответного пожара. Неделю Пётр ощущал себя, как в пьяном угаре по ночам, а днём пытался отвлечь себя ища любую мужскую работу, что сгодиться в хозяйстве зажиточной вдовой хуторянки. Через неделю посланец от лесных братьев навестил хозяйку, удивился, что Пётр не отдал богу душу, но и отъѣлся и порозовел.

Передал повеление атамана вернуться в лагерь, а хозяйке оставил нового постояльца-пожилого мужика с изрытым

оспой лицом под видом бездомного батрака – бродяги, для снабжения продуктами и связи с бродягами лесными.

Хозяйка пыталась возразить и уговорить оставить Петра как хворого и расторопного. Ответ получила резкий:

– Не твоего ума дело! Сказано тебе не кочевряжиться. Ты с нами крепко повязана и перед властями не отвертеться, а

если с ними шашни заведёшь, то знай, что атаман тебя достанет и на первой осине прикажет повесить. У него не

забалуешь! Понятно?

Хозяйка отвернула лицо от посланца и глянула на Петра.

Лицо её было искажено злобой и вопрошало: «Защити!»

Пока «товарищи» лазили по клетям и амбару, запасаясь на зиму, хозяйка улучила минутку и быстро зашептала на ухо:

– Брось ты их, перебегай ко мне; им всё одно- конец, а я тебя укрою, да и власти, я слыхивала, помилуют тех кто по лесам бегает и на ком крови нет. А ты – не душегуб! Заживём своей семьёй. Глянулся ты мне с первого раза, а сейчас тебя никому не отдам!

Пётр отшатнулся от неё:

– Спасибо хозяйка за ласку, не лежит у меня к тебе сердце и ничего с этим поделать не могу. Прости, если что не так!

Моя судьба на небе пописана, так что прощай, и не поминай лихом.

Пётр увидел как остекленели и зажглись злым огнём

зелёные кошачьи глаза Вилмы и искривились губы:

– Смотри, не оступись! Я измены мужу не простила и твоей судьбой не только бог распоряжается. Комиссары на таких удавку наденут, да и я обид не прощаю. Подумай крепко.

– Я, пока, своему слову хозяин и против сердца своего не пойду. И власть мне не любя и ты, извини, над чувствами моими власти не имеешь. Прости ещё раз, что у нас так вышло. Тебя я не забуду.

В лесном лагере Петра приняли без радости. Лишний едок и сосед по лежанке. был только в тягость, а

настоящего лесного братства не случилось. Каждый теперь был сам за себя. Нутром и звериным инстинктом «братья» доходили до понимания, что противостоять крепнувшей власти комиссаров, увлекшим беднейший народ за собой, они уже не смогут- власть была решительной и жестокой и народа бедного в России расплодилось. Надежды, что «бог -не выдаст, так собака – не съест», с каждым днём, несущим холода, таяли, как дым от костров поднимающийся над лесом, сбрасывающим золотую и багряную листву и

зеленеющим изумрудной хвоей. Подмерзающая земля укрывалась разноцветным одеялом из листьев и трав, а остужающий кровь холод проникал в сердца и поворачивал мысли в поисках тепла. Дым предательски выдавал места убежищ, а по первому снегу для умелых «охотников» легко

читались следы зайцев и волков, и двуногих лесных обитателей с винтовками. Напряжённое ожидание каждого нового дня, который мог принести беду, будило и мысли

тяжело ложившиеся на зачерствелые души и порождало

конфликты. Самогон, добывавшийся у Вилмы, только

туманил мозги. Во время одного из застолий на котором присутствовала и Вилма, атаман в дикой злобе сорвал свою шашку со стены сторожки, где шумела унылая гулянка, и

рубанул по плечу своего ординарца, который заикнулся, набравшись храбрости от спиртного, что неплохо было бы повиниться перед властями и хлебать баланду в тюрьме, чем каждый день ожидать либо – пули милиции и солдат, либо – пасти медведей-шатунов, которым они не дают покоя в лесу, потревожив в тёплых берлогах. Пётр перехватил руку атамана, когда он второй раз замахнулся на жертву.

Атаман в истерике зарыдал, а Вилма с перекошенным лицом опрометью бросилась из сторожки, забыв платок и тёплый жакет и погнала пустую телегу, дико хлеща лошадь короткой плетью. Устоявшаяся жизнь рушилась и надо было принимать решение.

Ночью, чтоб не слышать стоны раненого адъютанта и бредовые вскрикивания перепившихся «дружков», Пётр

вылез из землянки, где вповалку в тёплой, пропахшей потом, и отсыревшей одеждой, на еловом лапнике

застеленном сухим сеном, на дощатых палатках, храпели и кашляли в темноте остывающие тела. Глянул в чёрную бездну равнодушного, тихого неба, где безжизненные светлячки, рассыпанных по бархату ночи бисеринками

звёзд, смотрели на него своими глазками безразлично и холодно. Они словно напоминали о бренности жизни и вечности природы. При свете серебряноокой луны Пётр

видел, как белёсые облачка тёплого воздуха исторгаемого при дыхании поднимаются невесомыми облачками вверх и

растворяются в прохладе ночи. « Отчего жизнь такая

хрупкая и призрачная, как это исчезающее тепло его тела?...

Отчего и куда уйдёт дух и зачем человеческому телу и духу

даются такие испытания?». Мысли эти были прерваны тяжёлым уханьем филина и шумом его крыльев. Зоркий

ночной хищник отправился на охоту за шуршащей в осенней листве неосторожной добычей.

«Самому решать надо куда путь держать, а не ждать – куда случай и судьба занесёт!». Последняя ночь в лесной землянке обернулась цветным, странным и страшным сном в котором перемеживались картины кровавых атак под Сморгонью, vyplывало улыбчивое лицо Марии и ястребиный взгляд Вилмы из-под насупленных бровей; кроваво-красные химеры, напоминающие трёхглавого Змея-Горыныча с картинок из русских сказок, картины весеннего половодья на Дёме и мрачные картины подземного ада, где

мучаются тела и души грешников, и ещё многое другое чего

не удержало в своей памяти проснувшееся сознание.

Пробудился Пётр в холодном поту. «Что за чертовщина? К

чему бы это?»

Вышло же так, что жизненный путь на много лет вперёд определили и другие люди и другие силы. По первому снегу на хутор к Вилме явился отряд из нескольких местных милиционеров и дружинников и двух десятков одетых в брошенное колчаковцами обмундирование, приготовленное к параду в Москве, мобилизованных молодых новобранцев- деревенских парней что служить не хотели и властям противиться из страха не могли. Степан

приложил руку и инспектировал созданные отряды

вооружённой охраны (ВОХР) и теперь его подопечные

наводили порядок в крае, где тлели очаги Гражданской войны. Командовал сборным отрядом звероподобный детина, затянутый с головы до ног в чёрную кожу. Фуражка, кожанка,

галифе и сапоги сидели на ём ладно; плотная, складная фигура делали его похожим на атлета-борца; на лице, по левой стороне тянулся сизый шрам – от

лба до подбородка. Глазного яблока не было. Свирепая, зловещая улыбка хищной птицы бродила на покрытом щетиной лице. С отрядом была и поисковая собака и санный обоз из трёх упряжек. Большой, злобный хозяйский пёс рвался на цепи к ввалившимся во двор неожиданным гостям. Хозяйка, накинув полушубок на плечи, вышла на крыльцо и краем глаза заметила, как её постоялец-связник

задами, таясь и прячась за кустарником удалялся в сторону леса. Командир неспешно вытащил револьвер и долго выцеливал лающего пса. Выстрел сухо прозвучал во дворе

и эхом отразился в тянущихся от хутора пологих отрогах гор, поросших густым лесом. Вилма с испугу села на крыльцо обхватив голову руками. Вторым выстрелом

стрелок добил скулящего пса и, потрогав рукой тёплый ствол, направился к хозяйке.

– Что так неприветливо встречаешь гостей, или нелюбы?

– Я и сама к вам собиралась. Надоели они мне! Пои,

корми, ублажай... В страхе держали!

– Ну, дрожи, дрожи! Мы знаем, что с бандитами дружбу ведёшь. Бабы деревенские зуб на тебя точат и языками чешут, что ты – ведьма.

К командиру подбежал один из милиционеров и, протянув руку в сторону гор, указал на удаляющегося беглеца.

– Никуда он не денется; надо будет собаку спустим, да и

нам сам дорожку укажет до дружков своих. А чтоб не ошибиться, мы эту потаскушку с собой возьмём, уж она туда все тропки знает, – со злобной улыбкой выдавил из беззубого рта, картавя слова командир.

– Никуда я не пойду, хоть убейте! -в истерике закричала Вилма.

– Конечно, не пойдёшь- поскачешь как кобыла! Ну ка,

ребята, пошарьте по сараям да скот закройте и амбары с сусеками проверьте, а я со стервой по-свойски поговорю, а,

вы мне не мешайте.

Верзила одной рукой сдёрнул с плеч Вилмы полушубок и бросил в сани; схватил за шиворот тёплой кофты, оторвал от крыльца и втолкнул в сени, а затем в тёплый дом.

– Значит говоришь -не пойдёшь! Плохо, ты, меня знаешь!

Рванул так, что кофта и нижняя рубашка расползлись на теле оголив грудь и живот. Бросил тело на кровать...

Через час, подкрепившись самогоном и салом за столом, двинулись в горы, которые смотрели на крошечных людей холодным испытывающим взглядом. Казалось они дышали и вопрошали: «Зачем эти неразумные существа хотят нарушить их вечный покой, покой, который нарушала только могучая природа своими стихиями, которые за

миллионы лет превратили уральскую островерхую гряду, тянущуюся на тысячи километров, в седого старика запечатлевшего на поверхности и в недрах историю

небольшого небесного тела, где силой вечной природы

расплодились существа, которые не находят гармонии ни с природой, ни между собой.

Впереди отряда гнали истерзанную Вилму с

распущенными волосами и висящим на шее, как удавка, платком, в старом полусгнившем полушубке, что нашли в амбаре и подшитыми валенками на босу ногу. Часа за три добрались к месту где находился лагерь. Следы беглеца на

свежем снегу были отчётливы и путь на заимку проезжим.

Связной уже успел сообщить о беде, но что-либо решить и предпринять там не успели. На крайний случай, под матюки атамана готовились к обороне, но понимали, что дюжине людей с горстью патронов не устоять и в лесу убежища не сыскать. Умирать никто не хотел и мысли в голове у каждого блуждали и путались не находя ответа. Пётр не раз

глядел смерти в лицо и бывал в таких передрягах где её

холодное дыхание проникало в щемящее сердце, но там не был близок так дом, а была присяга, товарищество и закалка

Волынского полка, когда приказ командира исполнялся на

инстинкте и без размышлений. Сейчас гвардеец сидел на поваленном бурей дереве, перебирал в ладони оставшиеся патроны, а в голове саднила одна мысль: «Как глупо всё!

Что я в жизни успел и повидал?» Суетливые приготовления, непонятно к чему, были прерваны приближением двух

фигур. Командир отряда подталкивал Вилму вперёд и двигался за её спиной в сторону бандитов. О количестве

«лесных братьев» Вилма сообщила, да и пулемёт на санях был убедительным аргументом в предстоящих переговорах.

Командир, по опыту жестоких схваток, был уверен в прочности своих переговорных позиций и успех.

«Чёрный ворон», затянутый в комиссарскую кожаную тужурку, приблизившись к своим жертвам, встал за широким стволом сосны и прокричал:

– Сдавайтесь! У меня приказ – сопротивляющихся уничтожить на месте. Атаман ваш нам известен и его

трибунал не помилует. Говорю вам прямо! Остальные по своим заслугам получают! На раздумья – пять минут

отпускаю, после пулемёт с вами разговор будет иметь.

Среди бандитов пошёл лёгкий шумок. Сухо, словно сломанная сухая, толстая ветка под ногой, прозвучал

выстрел. Вилма, не прятавшаяся за деревьями, откинулась назад и упала, взмахнув руками как крыльями. По

широкому лбу потекла струйка крови, широким слёзным путём окрашивая щеку и прилипшие к ней льняные волосы.

Глаза тухли, губы искривила нелепая улыбка, словно

красивая женщина удивилась случившемуся. Вторым выстрелом атаман направил заряд себе в висок и рухнул на

землю. Бандиты, побросав оружие, нестройно, с поднятыми руками двинулись сдаваться.

– Что с этими делать, – спросил подошедший к командиру милиционер, кивком головы указывая на трупы.

– Пускай в лесу остаются, нечего сани загружать, волкам

пожива будет. Волками жили, по волчьи были, пусть волки о них заботу имеют, а нам они и для отчёта не сгодятся.

Сторожку сжечь, усадьбу кулацкую сжечь, а добро и скот вывезти.

Отряд с пленёнными двинулся восвояси. За спиной пылал лагерь лесных отшельников. Бойцы вели весёлый разговор

об удачном походе обошедшемся без потерь. Пленённые хмуро шагали опустив головы где бродили невесёлые мысли. «Вот и кончились мои шатания, – спокойно оценил своё новое положение Пётр. – Хоть какая-то определённая

наступит. Не расстреляют, так дальше Сибири не сошлют, и там люди живут. А жить, ох как, ещё хочется! Хотя бы

разок на родителей глянуть. Это даже хорошо, что жены с ребятишками нет. Тогда бы совсем тоска была. Быстрее бы

всё забыть – да как такое позабудешь? Как Вилму забудешь?

Одиноко, холодно ей в лесу, – подумал Пётр о Вилме как о

живой. И отчего такая судьба у человека и где она так

неосторожно споткнулась? Кто о ней всплакнёт- ни детей,

ни родных! Эх, ма! До чего ж судьба- к ней зла! А моя

голова бесшабашная до чего довела? Некого винить- сам

дорогу выбирал и не знал где соломки подстелить».

– Живей, бандюганы, шевелите копытами, а то плёткой

подгоню, – крикнул «чёрный» командир.– Я вам новый светлый путь укажу и, если бог ваш вас простит, то я, ежели

во второй раз попадётесь, уже не смилуюсь.

Новая, пока не ведомая, дорога ждала Петра не суля радостей, но и не убивая надежд.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

Степан шёл своим путём каждую свободную минуту устремлялся домой где только и отходил душой, радуясь как быстро сын рос, как всходы на поле; делал первые шаги и лепетал первые слова, а под сердцем Мария уже носила второго ребёнка. Осенью, как только был собран небогатый из за засухи урожай, в деревню двинулись опять

продотряды с винтовками, выгребая по разнорядке

подчистую, всё кроме семенного фонда и на минимальный прокорм. Торговля умерла снова. Мужики снова взялись за вилы и снова тысячи лесных братьев истребляли продотряды, громили ссыпные пункты, уничтожали активистов. В деревню дошли слухи, что Петра после разгрома банды судили и сослали в Сибирь освобождённую от колчаковцев. Степану неожиданно удалось свидеться с ним

в уфимской тюрьме. Его заместитель- хлипкий молодой

человек, направленный комсомолом на ответственную работу, прониравший, всезнающий и идейно подкованный,

как- то подошёл к Степану и вопросительно ехидно спросил:

– Дружка своего Астахова Петра повидать хочешь?

– Не прочь, только не знаю где он,

– Поблизости, как враг трудового народа за бандитизм задержан; могу о свидании похлопотать.

– Без таких хлопотунов обойдусь, – с раздражением бросил

Степан. Через неделю он добился свидания с другом в кабинете следователя присутствующего при встрече.

Когда Петра ввели, то он не выразил ни удивления, ни

радости увидев друга так как был предупреждён. Следователь с безразличным видом сидел за столом, а

Степан устроился на табурете поодаль от стола, сбоку и

предложил Петру сесть на табурет стоящий напротив. Тот

тяжело опустился на него, положил руки на колени, опустил голову и глухо спросил:

– О чём разговор? Не думал я, что придётся свидеться.

– Допытываться я у тебя ничего не буду и помочь ничем не могу, а вот родителям, если что передать хочешь, то до

них донесу- им свидания не дадут, – ровным голосом произнёс Степан.

– Передай, что винюсь я перед ними, а за грехи свои

перед пред властями ответ держать готов. Разошлись наши пути-дороги и ничего дурного против тебя я не имел. Что было -то прошло, но в памяти останется всё, что было меж нами, Вот весь разговор, Прощай и не поминай лихом!

Даст бог, может, свидимся ещё,

Василий с женой Натальей зажили своим хозяйством и, смирились с тем, что большую часть своих трудов пришлось с тяжёлым сердцем отправлять на чужих подводах. Урожай с огорода и скотина давали надежду на то, что удастся пережить ещё год. У Степана в люльке качалась дочка Екатерина похожая на мать, а Сашок уже бегал и был копией отца. Степана

отправили по весне на учёбу в Москву. Война гражданская, с применением громадных армий закончилась победой советов.

Героическая Чапаевская дивизия истреблялась голодом и холодом строя нефтепровод в Закаспии. Только дальний Восток оставался ещё в руках интервентов и остатков битой

Сибирской армии и казачьих атаманов. Генерал Деникин за
рубежами родины изливал на бумагу трагедию России.

Настоящего же мира между гражданами громадной
страны не было и не могло быть. Отдельные очаги её тлели и вспыхивали в разных местах.

Шла она и в сознании людей

и невозможно было её изгнать из голов и сердец людей,

забыть проклятые многими годы. Даже победители не

торжествовали, понимая, что этот кровавый след,

оставленный на полях сражений и в душах людей не скоро

зарастёт. Как ещё может аукнуться кровавый эксперимент в

будущем, мало кто думал и мало кто знал. Что нужно было

сделать, чтоб залечить раны бушевавшей стихии!? Через сколько поколений улягутся

страсти и годы эти останутся

только строчками в учебниках истории, а не раной

бередущей сознание и мучащей души. Время -лечит! Какие

времена должны наступить, чтобы успокоить страсти?

Где найти рай на земле?

Летом 1921 года Украину, Поволжье и Южный Урал вновь охватила, уже невиданная ранее, засуха. С самой весны солнце палило нещадно. Обмелела Дёма, повысыхали озёрца и болота, выгорела трава, тощал и падал скот. На тощие всходы обрушились полчища саранчи, оставлявшие после себя голую землю. Лучший хлеб – лебеда, а худший -кора деревьев, которую мололи на муку. «Зур-аслык» -«Большой голод» – так называли башкиры это страшное бедствие.

(Справка. Только в трёх кантонах Башкирии пострадало 100 000 дворов, уничтожено 5 372 хозяйства, разрушено 2 826 домов. 50 000 крестьян не ели хлеба. Скот начал падать и его резали ещё в 1920 году, а в 1921 году его фактически не осталось. Некомпетентные органы забирали весь урожай вместе с семенным фондом и сами остались ни с чем. К началу февраля 1921 года в Уфимской губернии реквизировали 13 миллионов пудов зерна, 12 000 пудов сливочного масла, 12 миллионов яиц. В малой Башкирии забили 121 000 голов скота. Почти всё было распределено и съедено. Урожайность зерновых составила 32 килограмма с десятины! Собаки, кошки, вороны, крысы, лягушки, рыба и лесной зверь были съедены. Башкиры со старинными луками прочесали все леса. Трава, коренья, соломенные

крыши, листья, что не успели высохнуть, были съедены. Перед муками голода 1921—

1922 года бледнели все предыдущие годы которые помнили старики. Запоздалые

решения властей привели к массовым голодным смертям. В Башкирии с февраля

1921 года население сократилось на 650 000 человек, что составляло 22%. Трупоедство и людоедство стали обыденным явлением. На рынке открыто торговали человеческим мясом. Тысячи психически больных бродили по стране. Родители боялись за своих детей. Дети-сироты разбрелись по всей стране. Больше всего

отправлялись в Сибирь и Среднюю Азию. Дом можно было купить за ведро квашеной капусты. Хлеб, воистину, был на вес золота. Владельцы съестного сказочно богатели. В апреле 1922 года Совет Народных комиссаров Башкирской АССР принял постановление «О людоедстве».

Уполномоченный центра Сидельников, по поводу споров о продовольственном положении в стране, писал в Москву, которая голода не ощущала: «Пока в столицах идёт война (имелись ввиду споры внутри власти), там в глубине лесов

народ... вымирает тихо, безропотно, героически от тифа, голода и безработицы. Какой – то тихий ужас охватывает тебя, когда видишь эту немую трагедию». При страшном голоде тиф выкашивал целые деревни. Вдоль дорог сидели безучастные живые скелеты. Весь мир содрогнулся от ужасов происходивших в России и пытался организовать помощь от сердобольных филантропов. Степан, завершив

обучение, прибыл из столицы России в Уфу и, не

доложившись по начальству, сразу рванулся в деревню. Пустая, притихшая Черниговка встретила Степана

мертвящей тишиной. Не слышалось, ни лая собак, ни пения петухов. По дороге к дому встретилась одна лишь старуха, безучастно прошедшая мимо. Почта, из районов

охваченных голодом, до Москвы не доходила и газеты не

распространялись на эту тему, а только призывали к борьбе

со спекулянтами и помощи голодающим, но страшные слухи пугали всю страну разрушенную войной. Степана отозвали с учёбы раньше срока. В Башкирии появились отряды Охранюка-Чарского, соединившегося с остатками Народной армии «Чёрного орла» к которым потянулись вновь местные повстанцы. Националистические

группировки тоже взялись за оружие, мечтая об автономии для всех народов, а не только башкир. Опять загремели

бои. Война Гражданская в Башкирии не закончилась.

Страх обдал холодом Степана в обжигающе жаркий день при виде вымершей деревни. Улица была пустынная.

Горячая дорожная пыль щекотала ноздри. Голая земля, без признаков жизни, пугала мертвенным серым цветом пыли. В огородах не было ни крапивы, ни лебеды. Чахлая зелень, сохраняемая поливами из реки, не сулила урожая. Двор был пуст. Скрипнула дверь и на крыльце появилась Мария с Катюшкой на руках. За подол держался Сашок в одной

лишь рубашке и, увидев Степана, спрятался за спину матери. Мария медленно и обречённо направилась к мужу.левой рукой придерживала малютку, а правой обняла

Степана и прошептала на ухо:

– Батюшку с матушкой три дня как схоронили. Вместе в один день их лихоманка-болезнь в могилу свела. Я утром поднялась а они уже холодные лежат. Василий их рядом вместе и схоронил. Я уже измучилась тебя дожидаясь.

Слёз, чтоб поплакать, у Марии уже не было. Степан тяжело опустился на ступеньки крыльца, где ещё недавно сидел с отцом, снял фуражку и уткнул голову в колени. Плечи заходили ходуном. Только, когда маленькая тёплая ручка стала гладить его по голове, Степан перестал дрожать телом и посадил сынишку себе на колени. В глазах Степана была такая тоска, что Мария испугалась, что после контузии может опять повредиться голова.

– Вечером на могилки ходим. Я две ночи родителей навещала, а то слухи ходят, что мертвецов свежих

откапывают, – всхлипывая произнесла Мария, а потом

шёпотом сообщила, что она опять потяжелела и Степану

нужно ждать прибавления в семье. Степан обнял жену и гладил рукой её ещё не округлившийся живот, чтоб почувствовать новую жизнь. Затем взял детишек на руки и вошёл в дом, где ещё чувствовалось присутствие недавней смерти. Из вещмешка достал два чёрных кирпича жёсткого, как утрамбованная земля, ржаного хлеба довезённого из столицы и несколько головок сахара, такого же тёмного как хлеб. Выпив воды, пошёл осматривать хозяйство. В сарае было пусто. Одна тощая коза жевала запаренную

прошлогоднюю солому. Листья на кустах и деревьях она обглодала ещё по весне. В клетки было хоть шаром покати -ни зёрнышка зерна. Спустившись под пол, Степан

обнаружил полмешка проросшей картошки и дубовый бочёнок квашеной капусты. Весь оставшийся день Степан молча сидел с детьми на коленях в углу под образами. Сашка и Катюша сосали сахар и пускали сладкие слюни. Вечером, поев картошки, видя как дети жадно выпили по полстакана молока, нацеженного от тощей козы, которую на ночь заводили в сени, начал тяжёлый разговор с Марией о том как одолеть беду. Спросил как дела у Данилы. Мария успокоила мужа. Болезни ни к нему, ни к жене не прилипли. Многое из имущества они обменяли на продукты. У реки собирали коренья. Данила с мальцами пропадал на реке и приходил с редкой добычей. Из маленьких озёрец, что остались после зимы, вычерпали всю рыбу и перетаскали всю воду на огороды, чтобы собрать хоть какой урожай

Дети заснули. Во всём селе не горело ни одного огонька. Керосина не было, да и ложились спать рано, чтобы беречь силы. Голодные обмороки стали повседневными явлениями. Степан с Марией вышли на двор и присели на крыльцо. Молодая луна, как коромысло, висела на чёрном небе. Свет далёких звёзд и отражённый свет ночного светила лили на пустой двор мёртвенную белизну. Жуткая тишина опустилась на деревню. Было слышно как в дальнем лесочке ухает филин вышедший на ночную охоту на мышей, которые из голодной деревни перекочевали в лес. Мария боком прижалась к Степану и положила голову на его плечо. Так молча, согревая друг друга, просидели глядя в бездонное небо больше часа. «Где же там бог, зачем послал такие мучения невинным младенцам и праведникам-старикам?» Тяжёлый разговор начала Мария:

– Стёпушка, может не надо нам пока деток? С третьим хожу и жить и рожать страшно.

– И не вздумай, – выдохнул Степан. Жизнь свою положу, а греху совершиться не дам. Может мне службу к чёртовой матери бросить, с вами жить и хозяйством заняться? Те крохи хлеба, что Степан привёз из Москвы, знавшей о

голоде из газет, плакатов и урезанных пайков для рабочих и служащих, не были утешением. Впереди ещё пустая на урожай осень, длинная зима, которую многие не перенесут, и нескорая весна.

– Службу бросать пока никак нельзя. Власть за службу натурой платит и кормит и семьям паёк выделяет. Какое сейчас хозяйство, а паёк, какой-никакой, есть!. С поля

собрать нечего, из скотины одна коза. В лесу в глухомани травы на зиму запasti можно. С огорода кое-что собрать

удастся. Да и вещи у нас есть, обменять можно.

Проживём... Лишь бы от болезней уберечься. Так что служи пока, а как там сложится-только богу известно.

В доме заплакала Катюша. Мария вынесла закутанную в платок дочку и вывела одетого сонного сына.

– Пойдём, Стёпушка, родителей навестим.

На кладбище луна, как фонарь, освещала свежие могилы, которые длинным рядком пролегли грядой невысоких

холмиков. На некоторых не было даже крестов. Молча сели на скамью. В голове Степана закружились воспоминания о самых памятных мгновения его жизни, которую подарили ему родители. Слышался голос матери зовущий его,

заигравшегося со сверстниками на улице, за стол, где доставался ему большой кусок мяса и сахар к чаю, а

мать стояла сзади за спиной и гладила его льняные кудрявые волосы. Перед глазами всплыла картина, когда он, уже крепким подростком, махал за спиной отца косой, укладывая стоявшую по пояс траву ровными рядками и отец, оглядываясь, удовлетворённо кивал головой. Помнил, как в самый зной, купал в реке коня и, сидя на нём, гнал вдоль берега, рассыпая

радужные брызги и остужая раскалённое на солнце тело и голову с треплющимися на ветру волосами. Когда-то и его, ещё маленького, на далёкой лесной Черниговщине водили на кладбище с покосившимися крестами, где лежали его пращуры. Каждый раз при этих посещениях в родительский день, на погосте, где стояла церквушка, на Радуницу, в весенний языческий праздник почитания предков, в душу закрадывался страх,

пробегавший холодком по телу. Это был страх перед

неизвестностью которая наступит в конце брэнной жизни, которую не могли объяснить ни церковные проповеди, ни священные книги. Успокоили его только слова отца, обронённые на немой вопрос, когда на похоронах деда Ефима, он прижался несмышлёным подростком к отцу: «Живи по-людски и нечего бояться. Отец Небесный всех примет и грешных и праведных и испытания даются, чтоб дух проверить». «Зачем же сейчас такие муки посланы? Неужели никак нельзя по другому человека проверить, как только через жертву, что сам Иисус принёс во избавление людей? Разве нельзя людей от мук избавить и как можно такие муки допустить?»

На следующий день, бесцельно побродя по двору, и, наигравшись с детьми, Степан отыскал ружьё и два заряда к нему и отправился бродить по лесу, где ещё могла

остаться влага и куда мог забрести зверь, чтоб найти

добычу и отвлечься от тяжёлых мыслей. На опушке леса кора илёмника, осин и ольхи была ободрана, высушена, перемолота и съедена. Ветки деревьев с молодой листвой

пропали ещё весной. Пожухлая листва шуршала под ногами. Несколько часов Степан без толку бродил по лесу, где не гнездились птицы, не оставляли следы ни медведи, ни лоси. Наконец, натолкнулся на тропинку что спускалась в глубокий овраг, где по весне бурлила вода, летом журчал ручей, а сейчас из земли пробивался родничок заполнявший небольшую лужицу. У неё Степан увидел отчётливые недавние следы двух кабанчиков -маленького и покрупнее.

«Никуда не денутся!» Ждать пришлось долго. Видно то, что оставалось в лесу живым, таилось от человека. Когда стало

смеркаться появился кабан с подвинком (кабаниха видно стала уже жертвой). Осторожно приблизились к лужице. Степан долго выцеливал кабана и первый раз в жизни боялся промахнуться. Выстрел разорвал тишину.

Только к утру с тяжёлой ношей на плечах Степан добрался до дома. Перед глазами стоял недоумённый подвинком, который не знал как ему теперь жить

в пустом лесу и стонал, пуская то ли слёзы, то ли

отряхивая воду из родника. Весть о неожиданной удаче

облетело село.

На девятый день после смерти Фёдора и Меланьи, добытое Степаном мясо, разошлось на поминках по пустым

желудкам сельчан.

На службу Степан явился хмурым и замкнутым. У

хорошо осведомлённого товарища поинтересовался, где можно обменять вещи на зерно или крупу и что больше всего ценится при обмене. «Самое ходовое – это золотишко, но и его мало стало. Бумажные деньги хода не имеют. Если есть что менять, то в военной форме не появляйся и с оружием не расставайся. На мясо не зарься – человечина в ходу. Появишься на рынке к тебе обменщики сами

пристанут- они там шныряют и глаз у них намётанный на эту коммерцию. Только ты сам условие ставь, когда товар покажешь, где обмен производить; проверь что тебе всучат и берегись, а то и сам сгинуть можешь». Эту инструкцию Степан запомнил. Дома всё с Марией обговорил.

Золотая памятная медаль к юбилею полка, серебряные и золочёные полковые знаки и икона в серебряном окладе, полученная из рук императрицы были завернуты в платок и уло-

жены в холщёвый мешок. Своего казённого рысака Степан сдал и за час добирался до города на проходящих поездах. Они, после восстановления моста, проходили

регулярно и удобно для работы. Переодевшись в

цивильную одежду, в выходной день, положив револьвер во внутренний карман пиджака, чтоб не спёрли на рынке, с утра отправился на толкучку, где производили обмен, и после отмены продразвёрстки и разрешения торговли

началась кипучая жизнь. Власти отступили от своей грабительской политики под напором народа восставшего не только в Башкирии, но и в Тамбовской губернии, где советский милиционер Антонов собрал армию в 60 000 мужиков и под лозунгами: «За Советы- без коммунистов!», «Свободная торговля!», «Отмена продразвёрстки!» трепал власть коммунистов и против повстанцев бросили регулярные части. В колыбели русской революции – Кронштадте восстали моряки под теми же лозунгами. Подавлять этот мятеж пришлось спешно делегатам съезда большевистской партии, поскольку и солдаты были ненадёжны. Война за- «Советы без коммунистов», бушевала и на Украине и в Сибири. Власть висела на волоске и пошла на попятную. Новая экономическая политика имела и такую страшную сторону как, почти открытая, торговля человечиною на рынке, с которой жестоко боролись, но голод – не тётка добрая, а – лютый зверь. Всё, что можно было продать и обменять, хлынуло на рынок в обмен на один товар обеспечивающий жизнь. Цены взлетели в тысячи раз, а деньгам бумажным никто не верил и

потребовались драконовские меры, чтобы появилась бумага с гербом обеспеченная золотом, но пока этого не было, все продавцы искали то, что не обесценивается ни войнами, ни революциями, ни иными стихийными и рукотворными действиями. За нужный всем товар шла жестокая борьба, разменной монетой в которой были человеческие жизни и судьбы. Бродяжничество и преступность захлестнули

голодающие просторы- от Днестра до Оби и больше всего поразили те районы, которые были хлеботорными. Выжженные солнцем степные районы вопили единым голосом- «Хлеба!» Усилия властей новых, впервые

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.